

История Руси в романах

18+

СЫН ДВУХ
ОТЦОВ
ПАДЕНИЕ

Илья Куликов

Илья Куликов
Сын двух отцов. Падение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Куликов И.

Сын двух отцов. Падение / И. Куликов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-532-93006-3

Сыновья князя Владимира Святого уже обагрили кровью родную землю в борьбе за власть. Несмотря на победу, одержанную Ярославом, его брат Святополк, прозванный сыном двух отцов, не сдался. Он готов на всё, чтобы вернуть себе Киев, за право владеть которым уже уплачена немалая цена. В яростной схватке между братьями нет места жалости, нет места милосердию. Кровь павших вопиет к отмщению. Продолжение романа о противостоянии двух братьев - Святополка и Ярослава.

ISBN 978-5-532-93006-3

© Куликов И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Илья Куликов

Сын двух отцов. Падение

Глава 1

Князя Болеслава прозвали Храбрым. С годами он перестал быть могучим воином, но оставался одним из сильнейших государей. После смерти князя Владимира Святославовича Болеслав стал, пожалуй, самым могущественным славянским правителем.

Впрочем, годы не пожалели и его. В свои пятьдесят лет он настолько растолстел, что мог с трудом забраться на коня. Сначала Болеслав винил в этом неудачно сшитые одежды, затем ведьму, которая наслала на него толстоту, затем старых языческих богов. Но когда кто-нибудь начинал с князем разговор об умеренности, тот поднимал его на смех.

Трапеза была в самом разгаре.

– Бояре! – обратился Болеслав к делившим с ним пищу мужам. – До сих пор помню, как я однажды сражался с четырьмя рыцарями, набросившимися на меня. Пан Хостишко, ты ведь помнишь тот славный день?

Польские бояре всё чаще именовали себя панами, хотя ещё во времена князя Мечеслава, отца Болеслава, паном считался только Бог и князь. Пошло это с южных славянских земель, где правители селений – жуп, именовали себя жупанами.

Князь Болеслав прохладно относился к тому, что теперь почти каждый мечник именовал себя паном, но своего ближника Хостишко он сам так называл.

Пан Хостишко опустил глаза, не зная, что ответить. Он слышал эту историю много раз. Эту и другие истории, произошедшие с Болеславом в молодости.

– Это было ещё до того, как мерзкая ведьма наслала на меня толстоту, чтобы сковать моё тело. Рыцари постарались выбить меня из седла, но разве им такое под силу? Я был быстр! Господи! Как я был быстр, пан Хостишко! Я увернулся от направленного прямо в сердце копья и сначала поразил первого. Он был лет на восемь меня старше. Помню, он упал на землю и схватился руками за живот. Второго я сразил следом за первым. Оставшиеся два рыцаря, которые звали себя благородными господами, повернули своих коней и помчались прочь. Помнишь, Хостишко, ты тогда выехал на своём гнедом скакуне? Его звали Свет. Так?

– Моего гнедого, князь? – переспросил пан Хостишко. – Нет. Светом звали вашего коня. Моего звали Тьма. Это была кобыла, и она была не гнедой, а вороной.

– Точно! – крикнул Болеслав, хлопнув себя по толстому брюху. – Ты скакал на своей вороной кобыле, а я на жеребце. Рыцари, которые похвалялись тем, что они самые лучшие воины в мире, спасались бегством, словно мы сама смерть.

Князь тяжело вздохнул и взял свой кубок. Кубок был полным. Толстяк поплескал вино и поставил его на стол.

– Умеренность. Вот вы всегда говорите, что я толст из-за неумеренности?

– Нет, князь, – ответил за всех пан Хостишко, – мы не говорим так.

Болеслав усмехнулся. Он знал, что по всем его обширным владениям только и говорят о его чревоугодии.

– Умеренность. Вот ты, пан Хостишко, помнишь моего брата Владивоя? Помнишь его? Он дня прожить не мог, если не упивался вином до беспамьятства, а один стоил десятка. Вот он был неумеренным. Зато каким он был воином! Таких ещё поискать нужно.

Болеслав стыдливо посмотрел на своих сотрапезников. Умеренность. Он начал этот разговор потому, что ему хотелось ещё есть, хотя если быть умеренным, то надо покинуть тра-

пезу. Но тогда весь оставшийся день он будет думать только о еде. Болеслав уже пробовал так поступать, но в итоге всё равно приходил в трапезную и наедался до боли в животе.

Князь отрезал ножом жирный кусок свинины и положил на блюдо. Мясной сок растекался по тарелке и вызывал у него жуткий голод. Казалось, что он не ел несколько дней. Болеслав нахмурился и окинул взглядом всех, кто сидел с ним за одним столом.

– Осуждаете? – спросил у них князь. – Считаете, что я должен был насытиться тем, что уже съел? Хорошо бедняку – он сожрал и всё. А я князь и могу есть сколько угодно. Вот проклятая ведьма! Надо было повесить её на первом же суку. Она сделала моё брюхо ненасыщаемым!

– Князь, – робко проговорил пан Хостишко, – по твоему указу эту ведьму нашли много лет назад и отсекли ей голову. Остатки её сожгли.

– Значит, не ту нашли! Знаешь, сколько на свете ведьм, волхвов и прочих негодяев? Всех не перевешаешь. Точно кто-то из них проклял меня.

Болеслав вгрызся в мясо. Некоторое время в трапезной стояла тишина. Паны смотрели, как их толстый и ненасытный князь поглощает жирный кусок мяса.

Болеслав, набив полный рот, отложил мясо в сторону и запил водой. К вину он так и не притронулся. В молодости он потерял брата, единственного любимого им. Владивой, князь Богемии, помер именно от пьянства. Наверное, поэтому Болеслав почти никогда не пил хмельных напитков, предпочитая воду.

Пану Хостишко предстояло сообщить своему князю новости, пришедшие с Руси. Оттягивать с этим было больше нельзя, но и говорить их было нелегко. Конечно, можно было дожидаться, когда они останутся наедине, и поведать всё с глаза на глаз. Но Болеслав мог после трапезы прилечь поспать, и тогда разговор пришлось бы отложить ещё на полдня. А скоро всё Гнёзно будет знать о том, что произошло.

– Княже, пришли вести с Руси, – сказал пан Хостишко.

– Какие? Что там помер князь Владимир? Знаю. Он не был мне другом, но был достойным человеком. Он одолел моего отца, князя Мечеслава, но зла я на него не держу.

– Князь, после смерти князя Владимира Киев занял Святополк, твой зять. Он одолел троих своих братьев, лишив их жизни.

– Правильно. Я в своё время тоже расчистил себе дорогу. Так заведено – править может только сильнейший. Как говорится, одна берлога двух медведей не вместит!

– У князя Владимира был ещё один сын – Ярослав.

– Ярослав? Не знаю такого, – проговорил Болеслав, а затем рассмеялся, – у князя Владимира было столько сыновей, что если бы я всех их помнил, то забыл бы имена своих.

– Ярослав ещё при жизни князя Владимира сел править в Новгороде. Он перестал платить отцу положенную дань, и дело должно было кончиться войной.

– А так всегда и бывает, – подтвердил Болеслав, отправляя в рот большой кусок мяса и прихлёбывая его водицей, – дети – они ведь самые неблагодарные. Им всегда кажется, что родитель обязан им всем, а они в ответ могут платить предательством и прочим. Послушай, пан Хостишко, ты ведь не просто так завёл этот скучный разговор во время трапезы. Говори прямо, что стряслось.

– С Руси пришли вести, что князь Ярослав отобрал Киев у Святополка, разгромив его в сражении.

Болеслав, прожевав мясо, вновь сделал глоток воды.

– Братья всегда дерутся. Это их спор, и мне он безразличен.

– Князь, – проговорил Хостишко, – твою дочь Владиславу, супругу князя Святополка, этот Ярослав Хромец схватил и бросил в подземелье.

Услышав об этом, Болеслав поперхнулся. Два года назад князь Владимир уже бросал его дочку в темницу, нанеся ему тем самым сильнейшую обиду. Но то дело прошлое. Владимир,

как-никак, был сильнейшим славянским правителем, да и Владислава сама во многом виновата. Она не понимала, видно, что её разлюбленный духовник, епископ Рейнберн, подбив её к мятежу, преследовал лишь свои цели.

– Расскажи мне про этого Ярослава, пан Хостишко. Что это за сын Владимира?

– Князь, Ярослав, как мне известно, хромой и даже в боях участия не принимает, однако его рать наголову разгромила дружину Святополка. Ярославу служит конунг Эймунд Рингссон, который приплыл к нему из Норвегии. Хромец смог договориться и с печенегами. Во всяком случае, их конное войско покинуло русские земли после поражения Святополка. Не вся Русь сейчас в руках у Ярослава, а только Новгород, откуда он пришёл, и Киев. В остальных землях сейчас правят другие сыновья Владимира, и думаю, что они не друзья Ярославу.

– Святополк, мой зять. Он пал в бою?

– Нет, княже, Святополк бежал и сохранил свою жизнь. Как мне известно, он уже в Гнёзно, остановился в доме у пана Заглобы.

– Это ещё кто такой? А, вспомнил. Я отправлял его проводить Владиславу в Киев. Понятно, почему мой зять там остановился. Что ж, Ярослав пожалеет, что дерзнул заточить мою дочку в подземелье. Давно я не ходил в походы. Самое время!

Пан Хостишко стал смотреть в одну точку. Все присутствующие замолчали, и лишь пан Борилев, который до этого сидел молча, обратился к князю:

– Княже, надо повременить с войной. Мы и так не в самом лучшем положении.

– Повременить? Моя дочь в плену у этого... Ярослава Хромца, а ты говоришь – повременить! Собираем войско и выступаем на Киев! Я покажу сынку Владимира, как можно дерзить мне. Я вызову его на честный бой! Вот будет потеха! Толстяк будет биться с Хромцом. Пан Хостишко, думаешь, я одолею Хромого?

– Пан Борилев прав, – проговорил Хостишко, – сейчас не лучшее время для войны с Русью.

***

Дом пана Заглобы был не очень большим. В Киеве в подобных домах бояре не жили, но в Гнёзно всё было иначе.

Пан Заглоба принял князя Святополка сдержанно. Особой радости от того, что бывший правитель Киева решил остановиться у него, пан не испытывал, но и отказать не посмел.

Князь Святополк после поражения в битве на Днепре сильно изменился. Второй раз судьба жестоко ударила его, и второй раз он решил бороться. Здесь, в доме пана Заглобы, ему, конечно, не укрыться. Да он и не собирается укрываться. Ярослав забрал себе Киев, но сможет ли он там усидеть?

Вместе с паном Заглобой, который был не женат, жил его брат пан Загреба вместе с супругой Малгожатой и дочерью, носившей то же имя.

Пан Заглоба и его младший брат Загреба сейчас были не вхожи в палаты князя, и только супруга Загребы прислуживала княжне Рыксе, супруге Мечеслава, одного из сыновей Болеслава.

Малгожата была женщиной очень благочестивой. Во всяком случае, так это казалось со стороны. Она постоянно твердила о Господе, подолгу молилась и требовала подобного и от других. Едва Святополк вошёл в дом, как Малгожата стала причитать:

– Господи, да покарай же ты этого злобного изверга, который изгнал тебя из отчего дома! Покарай его страшными болезнями! Порази его язвами и лиши мужского естества!

Святополк несколько поморщился, услышав голос Малгожаты. На короткое время ему стало не по себе от подобных речей.

– Да, проклятый Ярослав должен будет понести заслуженное наказание или в этом мире, или на небесах, – проговорил пан Заглоба, поддерживая супругу брата, – Господь с неба всё видит!

– Пан Заглоба, – проговорил князь Святополк, – в память о нашей дружбе, которая завязалась в теперь уже враждебном мне Киеве, позволь мне пожить некоторое время в твоём доме. Я встречусь со своим тестем, князем Болеславом, и буду просить его о помощи.

Заглоба и Загреба переглянулись. Оба брата понимали, что нахождение князя в их доме будет немало стоить. И дело вовсе не в том, что много средств уйдёт на предоставление князю всего необходимого. Куда больше серебра потребуется, чтобы обеспечить себя как подобает. Сейчас князя встретили в лучших одеждах и на стол накрыли, словно на праздник.

– Конечно! Мой дом полностью в твоём распоряжении, – проговорил Заглоба сладким голосом, – живи в нём столько, сколько потребуется. Я рад принять тебя, князь!

После трапезы, когда князь Святополк отправился отдыхать с дороги, Заглоба и Загреба остались наедине.

– Вот так повезло нам, братец! – проговорил Заглоба. – Свалился на нашу голову этот князёк. Видно, точно по свету пустить нас хочет. Знаешь, во сколько нам сегодняшней обед обошёлся? Да можно было бы неделю питаться так! Может, к вечерней трапезе подать те же блюда?

– Можно, – задумчиво проговорил Загреба, – но ежели вскрыется, то стыда не избежать. Действительно, Господь испытывает нас, послав нам такую напасть. Князь Святополк, сказывают, страшный расхититель. Чтобы уважить простой люд, он, едва сел в Киеве, приказал закатить пир. Вместе со всем городом он пировал несколько недель до тех пор, пока всю казну своего покойного родителя не истощил, а уже чтобы продолжать свои беспутства, стал отбирать серебро у братьев. Трёх сгубил!

Заглоба схватился обеими руками за голову и облокотился на стол. Что говорить? Видно, беда и впрямь пришла в их дом.

– Вот что, брат, давай сделаем так. Пусть к вечерней трапезе князю подадут новые блюда, а возле нас поставят старые. Так мы хоть немного сможем сберечь наше серебро.

– А звать кого-нибудь на вечернюю трапезу будем? Всё же мы, как-никак, князя Руси принимаем под своей крышей.

Пан Заглоба засопел. Выбор был не из лёгких. Конечно же, ему хотелось, чтобы другие паны видели в нём человека, облечённого властью и силой, которому не зазорно и сына самого князя Владимира принять. Или сына князя Ярополка. Сам Заглоба особо не задумывался, кто же истинный отец Святополка.

– Давай позовём, но тогда надо будет все блюда накрывать свежими. Куда старые яства денем? Полстола не съедено. Может, отдадим их челяди?

– Чтобы они совсем обленились и за нашими спинами потешались, что они едят как паны?! Нет уж. Давай лучше свиньям.

***

Епископ Краковский Ламберт был братом князя Болеслава. Это не означало, что они друзья, скорее напротив. Болеслав довольно-таки враждебно относился к своим братьям, кроме, пожалуй, одного – Владивоя, но тот почил пятнадцать лет назад.

Однако Ламберт не представлял для Болеслава никакой угрозы, так как принял монашеские обеты. Князь Болеслав после смерти епископа Краковского Поппона настоял, чтобы следующим епископом стал именно его брат.

Узнав о том, что произошло на Руси и о том, что князь Святополк прибыл в Гнёзно, Ламберт решил всё-таки вмешаться и направился напрямиком в княжеские палаты.

Болеслав был сильно удивлён тому, что к нему пожаловал его брат, но не встретиться с князем Церкви он не мог. Кроме того, ему и самому было интересно, о чём же его смиренный братец решил с ним потолковать. К своему стыду, князь как раз набивал необъятный живот пирожками, и даже встреча с епископом не могла заставить его прервать это занятие.

Ламберт был почти на семь лет младше Болеслава и, в отличие от него, был худым.

– Епископ! – поприветствовал брата Болеслав, даже не подумав подняться со своего места, а напротив, запихнув себе в рот пирожок. – С того момента, как ты принял сан князя Церкви, у нас было мало времени на общение. Рад, что ты пришёл ко мне. Только не начинай обличать меня в чревоугодии! Ты, я думаю, понимаешь, что я тут не при чём. Всеми виной один прохвост. Он сказал: «Лопни!» и три раза плюнул в мою сторону. Это когда я ходил на помощь князю Вацлаву. Он тогда ратался с полабскими язычниками. Вот этот прохвост был жрецом высшего разряда. Он проклял меня.

Князь Болеслав рассмеялся, хлопнув себя по животу, а затем посмотрел на брата взглядом мученика. Епископ ничего не сказал в ответ. Ламберт вообще был человеком немногословным.

– Это было так, Ламберт, слушай. Я скакал на своём жеребце, а против меня вышло несколько десятков язычников. Рядом со мной был лишь пан Хостишко и Чтибор, Царствие ему Небесное. Увидев язычников, Чтибор проговорил: «Князь, давай отступим!»

Болеслав поглядел в глаза Ламберту, пытаясь угадать, интересна ли тому его история. Епископ внимательно слушал брата.

– «Нет, мы перебьём их всех!» сказал Хостишко и пустил вперёд своего коня. Какой был жаркий бой, Ламберт! Сейчас таких сражений не бывает. Я бился по пояс в крови. Мой конь был сражён копьём, но я не сдался. В конце мы с Хостишко одолели всех, кроме одного. Именно он и был, я об этом узнал после, жрецом Чернобога. Он плюнул три раза и сказал: «Лопни!» Я забрал его жизнь и ушёл прочь с того места.

Болеслав замолчал. Он не помнил, рассказывал ли раньше эту историю Ламберту. На самом деле вскорости на помощь ему, Хостишко и Чтибору пришли около двух десятков мечников. Князь некоторое время молчал, а затем воскликнул со слезами в голосе:

– Если бы я знал, Ламберт! Если бы можно было вернуться в прошлое! Я бы сжёг тело этого языческого волхва или проткнул его колом, пригвоздив к земле. Только так можно было избавиться от проклятия.

– Господь сохраняет нас от проклятий, князь, – ответил Ламберт, – но посылает каждому свой крест. Этот, видимо, твой.

– Мой крест, – повторил Болеслав, уцепившись за слова епископа, – ты умный человек, Ламберт, и я вижу, что ты понимаешь меня. Действительно, это мой крест. Я должен есть. С этим ничего не поделаешь. Каждому свой крест. Я в силах бороться с десятью врагами, но не могу одолеть своё брюхо. Таков мой крест. По правде, мне не позавидуешь.

Ламберт стоял, переминаясь с ноги на ногу, так как Болеслав не пригласил его присесть. Болеслав, заметив это, улыбнулся, но предлагать своему брату место рядом с собой не стал.

– Епископ! Верно, сама судьба привела тебя ко мне. Мой сын Безприм проводит время пьянствуя. Я думаю, что ты сможешь унять его нрав. Я давно хотел, чтобы он посвятил свою жизнь Господу, так как из него получится плохой правитель. Пусть он живёт с тобой и примет подстриг, а после займёт твоё место, если не помрёт от пьянства раньше.

Безприм был самым старшим из детей Болеслава и самым нелюбимым. Слишком быстро он попал в пагубную зависимость от вина и хмельного мёда. Болеслав мог простить обжорство, но не пьянство. В своей жизни этот грех он простил лишь одному человеку – единокровному и единокровному брату Владивою. Болеслав обличал брата, даже бил. После смерти Владивоя князь тех, кто имел столь пагубное пристрастие, даже за людей не считал.

– Князь, – неспешно проговорил Ламберт, – я никогда не давал тебе советов, так как не понимаю в делах государственных, но сейчас я пришёл к тебе, чтобы отговорить тебя от войны с Русью.

– Отчего это? – недоверчиво спросил епископа Болеслав. – Какое дело епископу Краковскому до дел мирских?

– Эта война погубит нашу страну. Мы не сможем рататься и с римским кайзером, и с Русью.

– Сам знаю, – сказал Болеслав и хлопнул себя по животу, – думаешь, я ничего не смыслю? Вот как-то раз я осаждал одну крепость. Рядом со мной стояли Чтибор, Царствие ему Небесное, и пан Хостишко. Мы думали, как вскарабкаться на каменную стену. У нас было меньше людей, не было припасов, и мы никогда раньше не брали штурмом такие крепости. Чтибор сказал, что надо отступать, а я прямо в тот же миг спрыгнул с коня и решил вскарабкаться наверх. Увидев, что я лезу по отвесной стене, цепляясь за камни, мои люди схватили несколько лестниц и последовали за мной. На стенах, едва услышали крик «Болеслав!», побросали оружие и сдались.

– Быть может, сейчас одного твоего имени вновь хватит?

Болеслав задумался. Конечно, он за трапезой уже похвалялся, что возьмёт Киев, а Ярослава привезёт в цепях в Гнёзно, но умом он понимал, что Русь – могучее государство, овладеть которым будет нелегко.

– Что ты предлагаешь?

– Переговоры. Пусть Ярослав отдаст твою дочь и мою племянницу. Пусть она вернётся, и этого будет достаточно, чтобы тебе не уронить себя. Если ты поручаешь мне опеку над своим старшим сыном, которому почти тридцать лет, и просишь меня подготовить его к епископскому служению, то позволь ему вести эти переговоры. Пусть он едет просить Ярослава вернуть сестру. Дай ему возможность показать себя! Он не воин, но если он сможет вернуть сестру, то воспрянет духом.

– Ладно, епископ, – проворчал Болеслав, – давай сначала попробуем договориться. Но так и знай – коли ничего не получится, то я пожалую на Русь со всеми своими ратниками. Надо мной смеяться никто не станет.

Ламберт поклонился брату и направился к выходу.

– Послушай, братец, – крикнул ему вслед Болеслав, – раздели со мной вечернюю трапезу! Будет зажарен кабан, которого подбили сегодня утром.

– Прости меня, князь, но обеты запрещают мне есть мясо.

Глава 2

Зимнее солнышко совсем не грело и не радовало вечно унылого пана Бржетислава, который находился рядом с княжичем Безпримом. Они вместе сидели у очага и похлёбывали хмельной мёд. Безприм при этом был уже в состоянии, довольно-таки близком к беспамятству.

– Княжич, – писклявым и недовольным голосом обратился к сыну Болеслава пан Бржетислав, – мир создан несправедливым и ты рад этому. Вот ты в моём доме сидишь и пьёшь мёд, а думал ли ты, как сильно болит моя душа от несправедливости? Думаю, мне стоит прекратить нашу с тобой дружбу, так как она построена на неправде.

Бржетислав некоторое время помолчал, давая собеседнику понять его мысль. Княжич Безприм смотрел на друга затуманенным хмелем взглядом, пытаясь понять, что ему надо.

– Выпьем, княжич, за несправедливость, окружающую нас, и за тебя. Мне никогда ничего от тебя не было нужно. Не просил я от тебя ни серебра, ни земель. Не хочу. Знаешь, что для меня честь дороже всего на свете, и поэтому сам не одариваешь. Словно не друг я тебе ближний. За это пью чару.

Пан Бржетислав стал медленно пить из своего кубка, поглядывая на Безприма.

На самом деле всем, что у него было, Бржетислав был обязан княжичу. Тот сделал ему немало подарков. Подарил Безприм своему другу и земли, чем в своё время вызвал гнев у родителя, но Бржетиславу хотелось больше и больше.

– Мой друг, – произнёс Безприм, – на моем пальце сияет вот это кольцо. Знаешь, когда-то его носил мой прадед князь Земомысл. Теперь носи его ты и знай, что для меня твоя дружба не пустой звук. Ты один остался со мной в дни, когда все отвернулись от меня.

Бржетислав взял из рук княжича перстень и придиричиво осмотрел его, а после вернул назад.

– К чему мне он? Он сделан из серебра, а не из золота. За такой много на торгу не дадут. Я – человек, как ты знаешь, обиженный судьбой. Мне нужно чем-то обеспечить себе крышу над головой в дни, когда я состарюсь. Возьми обратно своё колечко. Какая разница, кто его носил до тебя.

– Нет, мой друг, коли я подарил, то носи теперь его ты или продай его на торгу – воля твоя.

– Ладно, – с тяжёлым вздохом сказал пан Бржетислав, убирая колечко за пазуху, – но разве это достойная плата за те обиды, которые мне нанесены? Нет. Давай выпьем, княжич, за те невзгоды, что обрушились на мою судьбу. За те страдания, которые приносит мне каждый день. Кто я? Обо мне не споют в песнях, и монахи не напишут обо мне в своих книгах. Я – пустое, и ничего не залечит мою душу.

При этих словах на лице Бржетислава появилась скупая слеза, которую он небрежно смахнул с лица рукавом, едва поставил пустой кубок.

– Друг, я изменю судьбу, – сказал княжич Безприм, – наши имена впишут в историю, о нас сложат песни. Пью за нашу дружбу.

Безприм опустошил свой кубок. Голова у него закружилась, и он повалился на пол. Бржетислав тут же подбежал к нему и помог растянуться, а затем посмотрел на своего друга с нескрываемым презрением. Пан тяжело вздохнул и снял с пояса княжича Безприма мешочек с серебром.

Бржетислав поступал так всегда. Дожидался, пока княжич упьётся до беспамятства, и обворовывал его. Несколько раз Бржетислав попадался на этом, но находчиво отвечал, что взял серебро княжича, чтобы тот, будучи в беспамятстве, не растерял его.

Велико было удивление Бржетислава, когда в комнату, где на полу валялся пьяный княжич, вбежал челядин.

– Пан Бржетислав, – поклонившись, проговорил челядин, – там у ворот двора стоят четверо всадников. Их прислал князь Болеслав. Говорят, что ежели я им не отопру, то они сломают ворота.

– И ты отпер?

– Нет.

– Глупый сын бродячей собаки и общипанного гуся! Беги и отпирай ворота! И не забудь понижь наклонить свою пустую голову! Ежели это люди князя, то они и впрямь сломают ворота. Беги!

Через некоторое время в комнату вошли несколько мечников вместе с паном Хостишко. Едва дверь в комнату открылась, пан Бржетислав стал делать тщетные попытки поднять княжича Безприма.

– О славные воины, – срываясь на плач, произнёс Бржетислав, – помогите мне поднять ясна сокола нашего княжича Безприма! Неумерен он в вине – вот и упал на землю, упившись вусмерть. Я пытаюсь дотащить его до постели, чтобы люди не видели этого стыда.

Пан Хостишко посмотрел на Бржетислава с ненавистью. Старый пан понимал, что эта пиявка, пан Бржетислав, больше других губит княжича Безприма.

– Отойди от него, собака, – сказал пан Хостишко и, подойдя к княжичу, тяжело вздохнул, – иди ведро воды носи!

Пан Бржетислав сначала сделал выражение лица, будто его сильно оскорбили и он готов хоть сейчас топтать снежок, чтобы кровью смыть обиду, но он не будет делать этого лишь из уважения к возрасту Хостишко.

– Ты что, не слышал, пёс помойный? – повторил пан Хостишко. – Неси воды, а не то я тебе выбью глаз. Навек запомнишь, как скалиться.

Бржетиславу хватило одного взгляда Хостишко, чтобы весь благородный гнев его исчез. Пан учтиво поклонился ближнику Болеслава и убежал из комнаты.

Через некоторое время Бржетислав воротился, неся в каждой руке по ведру воды, и поставил их перед паном Хостишко, не забыв при этом вновь учтиво поклониться.

– Пошёл вон.

Бржетислав ещё раз поклонился пану Хостишко и быстро покинул комнату.

– Ммммм, – промычал княжич Безприм после того, как пан Хостишко вылил на него ведро воды.

– Вставай давай, княжич. Отец тебя хочет видеть.

– Ааа, так скажи ему, что я завтра..., – княжич Безприм вновь закрыл глаза и готов был уже провалиться в пьяный сон, но Хостишко был немилосерден.

– Вставай, княжич, на свежем воздухе хмель весь повыйдет. Душно тут у вас и смрад стоит.

После второго ведра хмельной сон улетучился. Безприм пусть и с помощью, но смог подняться на ноги. Правда, стоять княжич не мог. Уже через несколько мгновений он скрючился, изрыгая на пол всё, что было у него в животе.

Хостишко смотрел на это с улыбкой. Когда княжич Безприм поднял на него свой взгляд, то пан и вовсе рассмеялся.

– У тебя глаза красные, словно ты плачешь, как девчонка, которую братик дёргает за косички. Вставай давай. Подними свой взгляд. Ты ведь воин. Тебя растили как воина.

– Отцу я не нужен...

– Перестань ныть, – отрезал пан Хостишко, – вставай и иди за мной. Отец хочет тебя видеть.

***

Переговорить со старшим сыном князь Болеслав решил в зале, где он собирался с советниками. Когда он увидел Безприма, то поморщился. Болеслав уловил запах хмеля и блевотины.

Глядя на то, как его сын еле стоит на ногах, придерживаясь за стол, чтобы не упасть, князь пришёл в бешенство.

– Ты позор моего рода! Слышишь? Ты позор и недостойн носить имя Пяст! Ты пьяница и ни на что не годен. Ты мне не сын!

– Отец, – пробормотал Безприм, намереваясь сказать что-то в своё оправдание, но князь Болеслав не дал ему это сделать.

– Молчи! Ты знаешь, почему я тебя не изгнал? Потому что тебя, глупого пьяницу, захотят использовать против меня. Я бы повесил тебя на суку, но все, проходя и плюя в твою сторону, будут считать, что это висит не Безприм, пьяница и позорник, а сын князя Болеслава из рода Пястов. Вот почему ты до сих пор жив.

– Отец, дядя Владивой тоже упивался до беспамьтства, – промычал княжич Безприм, едва не падая на пол.

Болеслав, тяжело дыша, зашагал к сыну. Большое брюхо не давало ему идти быстро. Ока-завшись рядом с сыном, он плюнул ему в лицо.

– Ну давай, пьяное отродье! Ты ведь сравнил себя с моим братом Владивоем. Знаешь, что он сделал бы, если бы я плюнул ему в лицо? Давай! Ты даже руку поднять не можешь.

Болеслав с силой толкнул Безприма. Тот повалился на пол и на карачках стал отползать от отца.

– Ты не будешь править ни в одном даже самом захолустном городке! Ты вообще не будешь править, мерзкий и трусливый выродок. Твоя покойная мать горит сейчас в аду из-за того, что произвела на свет такое ничтожество. Ты заплатишь за её страдания. Всё, ты будешь монахом. Я давно хотел так поступить. Ты не только не будешь пить вина, ты даже не сможешь есть всласть! Встань, позор моего рода. Мой отец Мечеслав с неба шлёт мне проклятия за то, что я не придушил тебя в младенчестве.

Болеслав плюхнулся на скамью. Затрещав под весом князя, она сломалась, и он упал на пол. В зал совета тотчас вбежали два ратника и поспешили к Болеславу. Князь пытался сам подняться на ноги.

– Пошли прочь! Я сам встану и высеку того, кто делал эту скамью. У него кривые руки. Если бы я так же правил государством, как он делает скамьи, то меня звали бы Болеслав Кри-воручка.

Болеслав с огромным трудом поднялся на ноги. Вытерев рукавом с лица пот, он подошёл к зажавшемуся в угле княжичу Безприму и с силой пнул его.

– Вот тебе, отродье, вот! Не смей просить пощады, мерзкий выродок!

Пинки были несильными. Что ни говори, но не мог Болеслав уже пнуть так, как в молодые годы. Чревоугодие забрало у него прежнюю силу. Выместив злобу, князь вернулся к столу и опустил на своё место, опасаясь сесть на скамью, которую делали не для него.

– Встань и иди сюда, – тяжело дыша, проговорил Болеслав.

Безприм поднялся на ноги. Шатаясь, он подошёл к отцу и хотел сесть на скамью, но Болеслав показал ему кулак.

– Стой, пьяное животное. Я позвал тебя, чтобы доверить тебе государственное дело. Ты поедешь в Киев и предложишь выкуп за сестру Владиславу. Понял? Чтобы завтра я тебя больше не видел в Гнёзно. И ещё, Безприм. Отныне ты будешь в услужении у своего дяди Ламберта. Ты примешь монашеские обеты, отречёшься от всего земного, а после станешь епископом. Это лучшее, чего ты заслуживаешь.

– Отец, но ведь я твой старший сын!

– Ты? Ты животное, которое носит имя моего рода. Когда-то ты был моим сыном, но не теперь. Когда ты родился, я ратался с язычниками в Поморье. Я до сих пор помню, как выти-рал свой клинок, вот этот вот, – сказал Болеслав, указав на меч, висевший у него на поясе, – когда прискакал всадник и сказал, что родился ты. Пан Хостишко тогда советовал назвать тебя

Мечеславом, как твоего деда. Но я сказал – его будут звать Безприм, так как он станет славным воином. Беспремерным. Никто не сможет сравняться с ним во славе. Иди вон, животное. Проспись и не забудь предстать перед епископом Ламбертом. А не то я тебя отправлю в Рим или в Константинополь и попрошу, чтобы тебя лишили мужского естества и заточили в каком-нибудь дальнем монастыре, чтобы ты оттуда не выбрался.

Болеслав плюнул на пол. Засунув руку в карман, он достал оттуда пирожок и, откусив сразу половину, принялся жевать. Болеслав сам не знал, как этот пирожок оказался у него в кармане, ведь сегодня он твёрдо решил обойтись без обеда. Пока с утренней трапезы прошло меньше часа, а голод уже подкрался.

Жуя пирожок, Болеслав успокаивался. Гнев и обида на сына, не оправдавшего его ожидания, исчезали и сменялись нестерпимым желанием поесть.

***

Ближе к вечеру княжич Безприм встретился с паном Бржетиславом и за кубком мёда поведал тому, как с ним несправедлива жизнь. Пан Бржетислав, раздуманный хмельным мёдом, кивал головой и сжимал кулаки.

– А когда этот мерзкий старик вошёл в мой дом, – рассказывал Бржетислав, отхлёбывая из кубка, – я сначала и подумать не мог, что у него крамольные мысли. Я выпустил его. Уважил. Он попросил напиться, и я ему подал целых два ведра, а он возьми их и вылей на тебя. Я бросился на него, но четверо молодчиков, что пришли с этим стариком, вступили со мной в бой. Я бил их, но они одолели меня.

Пан Бржетислав опустошил кубок, утёр губы, а затем с видом бывалого воина произнёс:

– Хитростью, конечно, одолели. Сзади один подкрался и огрел дубиной. Вот, шишка на затылке тому доказательство. Я упал на пол в своём доме и потерял сознание. Наполни мой кубок, княжич. Я не прошу за свою службу ничего. Просто выпей за меня.

– Ты мой истинный друг, Бржетислав, – растроганно проговорил Безприм, – поэтому тебе я откроюсь. Позор мне! Отец хочет, чтобы я принял монашеские обеты, а ещё посылает меня в Киев, чтобы выкупить сестру.

– Я понимаю несправедливость, княжич, не ты один от неё страдаешь. Ехать в Киев, словно ты чернец, и на коленях вымаливать у князя Святополка, чтобы он выпустил из темницы свою жену. Такой доле не позавидуешь.

– В Киеве сидит не Святополк, а Ярослав. Он держит в плену мою сестру, – поправил княжич Безприм.

– А не в этом суть. Главное то, что тебя посылают валяться на коленях, в то время как твой братик Мечеслав возглавляет войско. Вот о чём подумай. Эта несправедливость терзает мне душу.

– Эх, горько мне с тобой прощаться, пан Бржетислав, но ежели я сегодня не приду на двор епископа, то быть беде. Князь, мой отец, может и тебя покарать.

Пан Бржетислав нахмурился и, тяжело вздохнув, направился к выходу, как бы намекая, что княжичу стоит покинуть его жилище, дабы не подвергать его опасности.

– Ступай, княжич. Не за свою шкуру боюсь я, а за твою. Меня пусть жгут – всё ради тебя претерплю, но ведь и тебя может по случайности немилость коснуться. Иди на двор епископа, твоего дяди, как и велел князь. А завтра поутру я вместе с тобой в Киев поеду. Ты знаешь, я тебя ни о чём никогда не прошу. Но в этот раз я изменю своему правилу. Поскольку я поеду с тобой на Русь, я уже решил это, то мне нужно серебро. Немало. Сам пойми, у меня и коня-то достойного нет. Того, что ты мне дарил, пришлось заколоть, так как он ногу подвернул, – соврал Бржетислав, который продал коня на следующий день после того, как получил в дар.

– Не печаль это, пан. Я так рад, что будешь со мной! Дай я с тобой прощусь.

Княжич в обе щёки расцеловал Бржетислава.

– Ну ступай, мой друг, ступай.

Когда княжич вышел, пан Бржетислав вздохнул с облегчением. Он решил ехать с княжичем, опасаясь, что по возвращении Безприм может раздружиться с ним. Это совсем не входило в планы Бржетислава, который набивал свои карманы как подарками, так и просто воровством. Иногда пан представлял, что однажды княжич займёт место отца и тогда он разбогатеет и непременно расправится со всеми своими врагами. Бржетислав представлял, как он будет править государством честно и благоразумно, в то время как истинный правитель будет лежать в луже мочи и блевотины. Потом, конечно, народ, полюбив славного пана Бржетислава, наречёт его князем, как в своё время нарёк князем Пяста, прогнав князя Попела, которого впоследствии, если верить преданию, съели мыши.

Он станет родоначальником новой династии. Но для этого надо сначала не потерять дружбу Безприма.

***

Вечерняя трапеза у епископа Ламберта была скудной. Княжич Безприм смотрел на постные блюда, которые совсем не вызвали у него аппетита, и морщился. Есть такую пищу Безприм посчитал ниже своего достоинства. Княжич нередко обсуждал со своим другом Бржетиславом, как едят князья Церкви. Вместе они часами высмеивали их лицемерие. Говорили, что на людях они и рыбу в рот не положат, а едва остаются без посторонних взоров, как набивают животы похлеще князя Болеслава.

– Дядя, а разве сейчас кто-нибудь видит, что ты ешь? Для чего питаться, словно ты бедняк?

Епископ Ламберт не спеша проглотил остатки пищи и запил водой. Лишь после этого он ответил племяннику.

– Безприм, так ведь Господь видит каждый наш шаг.

– Каждый шаг? – проговорил Безприм, наливая себе вина в кубок и делая глоток. Попробовав напиток, княжич поморщился и поставил кубок на стол. Это было не разбавленное вино, а подкрашенная вода.

– И когда я должен буду принести обеты?

– Когда будешь готов, Безприм.

– А если я никогда не буду готов? Я не хочу служить Господу монахом. Мне нравится пить вино, любоваться женщинами и...

– Значит, ты не принесёшь эти обеты, – сказал Ламберт, отодвигая от себя пищу, – Безприм, ты младше меня на пятнадцать лет и я не хочу говорить с тобой, словно ты мой сын, но я был на твоём месте. Мой отец, твой дед, хотел, чтобы я выбрал служение Богу, и я сделал это. Правильно ли я поступил? Не знаю, но я должен служить Господу и быть примером другим.

Безприм посмотрел на дядю с интересом. Епископ Ламберт был не похож на отца. Он был каким-то очень медленным. Казалось, епископ обдумывает каждое слово, прежде чем сказать его.

– Мой отец хочет унижить меня. Знаешь, что он удумал? Он отправляет меня ползать в ногах у князя Ярослава, выпрашивая отпустить сестру. Для этого ты, дядя, подошёл бы куда лучше. Отец любит Мечеслава, радуется каждой его победе, хотя это просто везение. Раньше таких людей называли любимцами богов.

– Это я попросил твоего отца отправить тебя в Киев.

– А, ну спаси тебя Господь, дядя. Ты, верно, спишь и видишь меня одетым в черные одежды! Мне не любо это. В душе я воин, но мне нет удачи. Нет! От этого я страдаю.

– Если нет удачи, добивайся успеха. Вот представь, завтра твой отец умирает. Кто станет его наследником? Сначала его земли поделят между всеми его сыновьями. Так происходит всегда. Я расскажу тебе, как это было после смерти твоего деда, хотя ты и так это знаешь. Твой отец за несколько лет с лисьей хитростью прогнал всех своих братьев и стал единовластным правителем. Нет, он не одолел их всех в битвах – он перехитрил их.

Ламберт взглянул на Безприма и увидел, что тот слушает его с интересом.

– Знаешь, на кого ты похож? На моего брата Мечеслава. Его звали Мечеслав Молодой, – задумчиво произнёс епископ Ламберт. – У вас одно лицо. После смерти старого князя Мечеслава все думали, что земли объединит именно мой брат Мечеслав Молодой. Он был храбрым воином, его любил мой отец. Но в первую же неделю после его смерти Мечеслав Молодой покинул свои земли, так как опасался, что на него нападут соседи, бывшие в сговоре с твоим отцом. Не помогла и Dagome iudex, грамота, составленная отцом перед смертью. Старый князь Мечеслав опасался, что твой отец прогонит своих братьев, и передал свои земли в ленное владение папе Римскому. Может, он хотел стать королём и избежать раздела земель. Мечеслав Молодой был воином не хуже твоего отца, и ежели они сошлись бы в поединке, ещё неизвестно, кто стал бы правителем полян. Да и рать у Мечеслава была больше, чем у твоего родителя. Мечеслав Молодой вскорости почил, оставленный своими людьми. Одни говорят, что он бросился на свой меч, а другие говорят, что его убили подосланные твоим отцом люди. Та же судьба ждала бы и меня, не будь я монахом.

– Я не хочу быть монахом.

– Так стань хитрецом. Езжай в Киев, познакомься с Ярославом, договорись с ним. Верни супругу Святополку. Настанет день, и ты будешь впереди своих братьев. Мой отец тоже не любил меня – в этом наши судьбы похожи. Поверь мне, меч и победы не делают князя князем, как и любовь или нелюбовь родителя. Сильный духом берет своё и в каждом поражении видит победу.

Безприм пододвинул к себе тарелку постной пищи и начал есть. Слова обычно молчаливого дяди произвели на него впечатление. Может, и прав епископ – далеко не всегда меч делает правителя удачным. Впрочем, отсутствие за столом хмельного сильно вредило Безприму. Как было бы здорово, сев возле очага и потягивая медок или вино, вести долгую беседу с дядей, к которому княжич уже проникся симпатией.

Пан Бржетислав точно подружился бы с епископом Ламбертом, подумал сразу Безприм. Настанет время, и я их познакомлю.

– Дядя, а ты не будешь вынуждать меня принять монашеские обеты?

– Нет, не буду. Ежели сам решишь, то принимай, но неволить в таком нельзя.

Глава 3

Бежали дни, таял снег, а князь Болеслав всё не встречался со своим зятем. Святополк устал от этого. Каждодневные ожидания изводили его и погружали в тоску. Временами князь думал вскочить на коня и направиться напрямиком к самому кайзеру Римской Империи. Лишь понимая, что кайзеру Генриху сейчас нет никакого дела до того, кто сидит в Киеве, он оставался в Гнёзно.

Пан Заглоба старался быть любезным хозяином, но Святополк понимал, что сильно злоупотребляет дружбой этого человека.

– Не знаю, почему князь Болеслав не желает меня видеть, – как-то раз начал разговор за столом князь Святополк, – у меня в Киеве осталось немало друзей, они могут пойти за мной. Ярослав не сможет повести их к победам. Хромой мой братец скорее годится для служения книжного, чем ратного, а русичи – народ воинов.

Пан Заглоба тяжело вздохнул и, переглянувшись со своим братом паном Загребой, делившим с ними трапезу, неспешно ответил:

– Вот ты, князь Святополк, говоришь, что Ярослав будет плохим князем для Руси, но каким он будет князем для Польши? Понимаешь, о чём я толкую? Князь Болеслав, верно, присматривается сейчас к Ярославу. Сказывают, что сына туда к нему отправил, дабы супругу твою воротить обратно. Вернётся княгиня Владислава – тогда он тебя и позовёт к себе. И ты не сочти, пожалуйста, за дерзость, но когда окажешься пред Болеславом, то упомяни и о нас.

Святополк внимательно посмотрел на Заглобу. Князь понял, что пан боится, что средства, потраченные на содержание князя, пойдут в никуда.

– Быть может, мне и впрямь лучше покинуть Польшу и искать помощи в других краях? Мне мало вернуть жену – я Киев себе воротить жажду.

– Так разве кто говорит, что Болеслав тебе не поможет? Думаю, он добьётся, чтобы Ярослав вернул тебе хотя бы те земли, которыми ты владел до Киева. Настанет день, и, быть может, мы будем гостить у тебя в Турове.

– Может, и так будет, – не стал спорить Святополк, – только я борьбу не закончу.

После разговора с паном Заглобой князь Святополк был внутренне опустошён. Он часами обдумывал в самых мельчайших подробностях будущий разговор с тестем, а тот, оказывается, послал одного из своих сыновей к Ярославу, а его даже не позвал в палаты.

Не зная, чем дальше занять себя, и боясь тронуться умом от каждодневных обсуждений с хозяевами дома текущего положения дел, Святополк решил проводить время, отрабатывая удары мечом. В первый день получилось не очень хорошо, но силы быстро возвращались к нему. Обнажённый по пояс, он тренировался до полного изнеможения, несмотря на то, что временами погода была ещё по-зимнему холодной. С каждым часом его тело всё лучше и лучше его слушалось. Хозяева смотрели на эти забавы с удивлением. Пан Заглоба давно не брал в руки меча, а пан Загреба, наверное, и вовсе его не имел.

– Для чего ты так изводишь себя, князь? – спросил пан Загреба, остановившись рядом с князем Святополком, который отрабатывал удары. – Верно, ты всё хочешь мечом решить? Да только сейчас, видно, времена другие.

Святополк опустил меч, отдышался и вытер пот с лица. Он понимал, что пан Загреба не об этом вовсе говорить желает, а о том, что долг платежом красен.

– Мечом княжества завоёвываются и от меча теряются. Я верну себе Киев и сполна оплачу все свои долги.

– Дай Господь, дай Господь, – прокричал Загреба, – может, скоро всё и изменится. Знаешь, о чём я с тобой, князь, поговорить хотел? Ты, когда будешь долги раздавать, обо мне не забудь. Видит Всевышний – я твой настоящий друг. Я всегда перед братом своим за тебя стою.

Говорю ему, что настанет день, и он будет гордиться тем, что приютил у себя в доме внука Святослава Неистового.

– Не забуду, – ответил князь Святополк и продолжил отрабатывать удары.

***

Юная Малгожата, дочь пана Загребы, была не очень привлекательной девицей, но выросла окружённая заботой матери, отца и дяди. Их забота о ней и сделали девушку весьма капризной. Когда она первый раз увидела князя Святополка, то он ей не понравился, показался старым и каким-то угрюмым. Однако всего через несколько дней девушка поняла, что её влечёт к этому витязю.

Юная Малгожата никогда раньше не испытывала подобного чувства и сначала даже не поняла, что влюбилась. Она перестала думать о чём-либо другом, кроме как о князе.

– Дочка, я вот вчера, прислуживая княгине Рыксе, в очередной раз поняла, что грамота сродни чародейской силе и приличной женщине она ни к чему. Княгиня Рыкса вот говорит на нескольких языках и считает себя достойной спорить о том, кто должен по праву владеть Киевом.

Малгожата посмотрела на мать с нескрываемой тоской и скукой. Ей порядком надоело слушать про княгиню Рыксу, которую мать за глаза поносила и ругала, а при личном общении стелилась перед ней. Но упоминание о Киеве заставило её заинтересоваться.

– Матушка, а расскажи лучше не о княгине Рыксе, будь она неладна, проклятая иноземка, а о том, кто в Киеве по правде сидеть должен?

– Кто? Я и не думала забивать этим голову! Я вот не знаю грамоты и горжусь этим! Когда ты выйдешь замуж, а это случится уже скоро, ты поймёшь, что все эти грамотеи по сути безумны. Только монахи могут владеть тайнами, которые написали наши предки. Читать – это всё равно, что говорить с духом. Страшный грех! Только монахи и могут таким заниматься.

Малгожата поняла, что матушка и дальше продолжит ругать княжну Рыксу и поносить её грамотность. Девушка же хотела поскорей увидеть князя Святополка. Быстро поклонившись матушке, она поспешила к себе в комнату.

Малгожата долго думала, какой выбрать предлог, чтобы поговорить с князем. Ей было несколько не по себе оттого, что князь был женат, но Малгожата решила в уме похоронить княгиню Владиславу. Ежели князь Ярослав, брат их гостя Святополка, пленил её, то, верно, бросил в подземелье, где нежеланная соперница и найдёт свой конец.

Малгожата так долго думала, перебирая в уме возможные решения, что забылась во сне. Там, в мире грёз, она была уверенной в себе девушкой, которая весело шутила с князем, а тот смотрел на неё влюблёнными глазами. Когда Малгожата открыла глаза, то несколько минут словно была ещё во сне. Ей казалось, что всё, что ей приснилось, было на самом деле.

Малгожата одела на себя одно из самых красивых платьев и принялась расчёсывать волосы. Конечно, девушка могла позвать для этого свою старую кормилицу, но в этот раз она решила сама расчесать себя.

– Ну отчего я такая некрасивая! – рассердилась Малгожата. Затем она вышла из своей комнаты и направилась к окну, из которого хорошо было видно, как у столба тренируется с мечом князь Святополк.

Малгожата долго смотрела в окно на князя, который, обнажившись по пояс, без устали старался совершенствовать свои воинские умения. Девушка представила, что такой вот витязь может полюбить её. Он истинный князь и истинный воин.

Малгожата накинула шубу и вышла во двор. Зима уходила, но было ещё холодно. Как Святополк может сносить такой холод, подумала она.

Увидев Малгожату, князь Святополк убрал меч в ножны, а после подошёл к скамье, на которой лежала шуба, и оделся, не желая смущать девицу.

Малгожата тем временем быстро прикидывала, о чём же можно сейчас завести разговор, чтобы князь, не дай Господь, не догадался о её влюблённости.

– Вышла подышать воздухом? – сам начал разговор князь Святополк. – Сейчас с каждым днём всё теплее и теплее. У вас здесь зимы мягче, чем у нас.

– Мягче? Да, наверное, – сказала Малгожата, опустив глаза, – у нас теплее.

– Мой отец и мой дед всегда желали править в землях, которые ближе к Византийской империи, а мне вот здесь нравится. Князь Святослав Неистовый, мой дед, пытался перенести столицу в земли болгар, пленённый тамошним теплом.

– А ты, князь, крестился уже зрелым? – спросила Малгожата, не придумав больше ничего, о чём можно спросить.

– Да нет, мне было всего девять лет. Мать моя до того, как мой дед Святослав подарил её отцу, князю Ярополку, и вовсе была монахиней. Поэтому я много слышал о Христовом учении с самого рождения.

– Я думала, ты сын князя Владимира. Все говорят, что ты его сын.

– Может, и так, – не стал спорить князь Святополк, – ладно, красавица, я немного передохнул, а теперь продолжу отрабатывать удары. Кто знает, быть может, скоро мне вновь предстоит кровью отспаривать Киевский стол.

Малгожата словно нырнула в прорубь. Её щёки тотчас залились краской. Она и сама не могла понять, отчего это. Внутри неё загорелся какой-то огонёк, который сделал её самой счастливой на свете. Ей показалось, что всё в жизни у неё удастся.

Девушка вспомнила разговор отца и дяди, который она недавно подслушала. Отец рассказывал, что княжич Безприм отправился в Киев, чтобы договориться о выкупе княгини Владиславы, дочери князя Болеслава. О Владиславе и так поговаривали, что она несколько тронулась рассудком, а теперь, верно, она и вовсе сошла с ума, со смехом говорил отец. Даже если князь Ярослав её отпустит, то едва ли княгиня вернётся прежней. Нет, этого не случится, твёрдо сказала Малгожата сама себе. Княгиня Владислава или умерла, или умрёт в темнице, и князь Святополк выберет себе новую супругу. Он выберет меня. Он считает меня красавицей. А кроме того, я смогу родить ему наследника. Да. Я, может, рода и не столь знатного, но зато я полюблю его всем сердцем.

Малгожата представила, как они вместе с князем Святополком подходят к её отцу и тот, смотря на неё со слезами, говорит, что он и представить не мог такого.

Эти мечты быстро разжигали в ней огонь. Малгожата, которая всегда была невысокого мнения о своей внешности, почувствовала себя настоящей красавицей. Ей захотелось жить, захотелось ценить каждое мгновение. Внутри у неё всё ликовало, и больше всего девушке хотелось завизжать от восторга.

***

Супруга пана Загребы быстро заметила изменения в поведении своей дочери. Присмотревшись к ней, Малгожата поняла, что та влюбилась в князя. Для неё это был словно раскат грома в ясный день.

Малгожата понимала, что князь Святополк женат. Даже если по той или иной причине его брак с княгиней Владиславой распадётся, то это вовсе не может ничего сулить её доченьке. Князь Святополк женится на дочери того, кто сможет помочь ему вернуть Киев.

Малгожата решила обо всем переговорить с дочерью, которая уже несколько дней свети-лась от счастья. Подойдя к ней, пани Малгожата невольно задумалась, стоит ли так поступать. Никогда раньше её дочь не казалось такой счастливой.

– Малгожата, – обратилась к дочери супруга пана Загребы, сделав каменное лицо, – отчего ты так веселишься? Я, конечно, очень рада этому, но нам стоит с тобой о многом поговорить.

– О чём?

– О том, как ты смотришь на князя Святополка, доченька. Я никогда не училась грамоте и за это всю жизнь благодарю своего родителя, который избавил меня от этого греховного занятия. Дочери и жёны правителей, напротив, учатся чтению и прочим премудростям. Я...

Мать не знала, что сказать. Ей хотелось поведать совсем другое, предостеречь дочь от той боли, которой, скорее всего, обернётся её любовь. Но говорила она совершенно иное.

– Матушка, я не знаю грамоты и рада, что не тратила на это своё время. Стоя перед образами, я молила Господа, чтобы он послал мне любовь, и он послал её мне. Это воля Господа, что князь Святополк остановился именно в нашем доме.

– Малгожата, – проговорила мать, – как я хотела бы порадоваться вместе с тобой! Порадоваться тому, что Господь послал тебе любовь. Но мне кажется, он испытывает тебя. Святополк женат.

– Так его жена почти умерла или уж, что точно, лишилась рассудка.

Пани Малгожата тяжело вздохнула и села рядом с дочерью. Ей тоже очень хотелось бы, чтобы наивные желания её девочки могли осуществиться. Какая мать не пожелала бы своей дочери судьбы княгини!

– Послушай меня, дочь. Князь Святополк может тебя любить, может иметь от тебя детей, но никогда не сможет вступить с тобой в брак. Времена, когда князья брали в жены девиц из благородных семей, давно прошли. Я, хоть и неграмотная, скажу, что думаю. Таких времён никогда не было. Это просто выдумки. Раньше, когда ещё свет истинной Христовой веры не воссиял на землях славян, то, бывало, князь нарекал простую девушку своей женой. Но счастье такой женщины было коротким.

– Сейчас всё изменилось. Да и какой Святополк князь! Он просто изгнанник, которого мой дядя приютил под своей крышей.

– Нет, Малгожата, – со вздохом ответила мать, – он князь и до самого своего последнего вздоха им останется. Он будет бороться за Киев, и ты ему в этой борьбе будешь только мешать. Не старайся зря и не разрывай себе сердце и душу.

Малгожата посмотрела на мать почти с ненавистью. Ну почему её глупая мамаша вечно всё пытается сломать! Почему я должна её слушать? Она, верно, просто завидует.

– Нет, – почти закричала Малгожата, – ты, матушка, во всём неправа. Князь Святополк назвал меня красавицей, и это значит, что я ему приглянулась. Коли он позовёт меня с собой, то я с ним и на край света пойду. Я смогу всегда поддержать его, всегда быть рядом с ним.

– Малгожата, – хлопнув дочь по щеке, сказала мать, – я сделаю всё, чтобы не позвал. Коли потребуется, на колени перед ним стану, но упрошу, чтобы он не ломал твоей судьбы!

– Злобная крыса, – крикнула Малгожата, прижав руку к щеке, – ты просто завидуешь! Зависть – вот что тебя гложет! Ты всем завидуешь. Княгине Рыксе, мне, покойной бабушке.

– А ты неблагодарная..., – пани Малгожата покраснела, стараясь подобрать наиболее подходящее ругательство, но не нашлась, что сказать. Лишь через несколько мгновений она продолжила. – Ты правде в глаза посмотрела и мне на правду указала. Возможно, я завистлива, но ты глупа. Не делай того, что сломает твою жизнь.

После этого разговора Малгожата, дочь пана Загребы, словно потухла. Ещё несколько дней назад в своих мечтах Малгожата представляла себя княгиней. Она представляла, как много лет спустя приезжает в земли, откуда уехала девицей. У неё было много детей, и матушка, видя её, плакала от умиления и говорила, что она, конечно, не считает грамоту необходимой, но рада тому, что все её внуки ею владеют. Много подобного навывдумывала юная Малгожата.

Глава 4

Зима ещё по-прежнему была хозяйкой в киевских землях, но все уже ждали весну. Воевода Будый поправлялся. Раны его уже затягивались, и он готовился поскорей занять место рядом с князем Ярославом.

Пестун князя понимал, что со взятием Киева борьба не закончилась. Много ещё сыновей князя Владимира Красное Солнышко желали порататься за старшинство на Руси. Из всех них больше всего беспокоил старого воеводу не кто иной, как князь Мстислав, который после смерти князя Владимира остался править в Тмутаракани.

– А ну принеси мне шубу, – приказал воевода Будый челядину, который прислуживал ему.

Челядин поклонился пестуну князя Ярослава и вскоре принёс шубу.

– Чего стоишь и держишь её в руках, словно не разумеешь, что с ней делать? Натягивай её.

Челядин, пожав плечами, стал натягивать на себя шубу. Воевода Будый побагровел и с силой ударил его в грудь.

– Ты что, морда гнусная? На меня натягивай, не на себя! Ты за какие такие заслуги на своё худородное, можно сказать, собачье тело мою шубу натянуть решил? Ты, видно, умом не шибко блещешь.

Челядин свёл брови и опустил глаза вниз, стягивая с себя шубу и принимаясь надевать её на Будого.

– Понежнее, пёс шелудивый! Я, между прочим, можно сказать, в дружине Одина побывал, – Будый сплюнул и продолжил, – я хотел сказать, с того света воротился. Думаешь, я тебя прошу шубу надеть от лени? Я, между прочим, даже на смертном одре о государстве помышляю, о его благосостоянии, не то что ты. Тебе лишь бы своё брюхо насытить да жизни порадоваться.

Одевшись, Будый направился напрямиком в княжеские палаты. Ярослав, увидев своего пестуна, был неслышанно ему рад и поспешил навстречу.

– Ну вот ты и оправился от раны! Глядишь, скоро уже на коне ездить будешь.

– Да уж куда там, – махнул рукой Будый, – я к тебе, князь, поспешил, чтобы думу думать. Мне не даёт покоя брат твой Мстислав – вот кого бояться стоит. Святополк или помер где-нибудь, или сейчас в Гнёзно у своего тестя сидит. Скоро, может, о нём сведения получим. Но Болеслав Храбрый, лопни его ненасытное брюхо, едва ли ему поможет. Он ратается с кайзером.

– Мстислав, – задумчиво проговорил князь Ярослав, опускаясь на лавку, – Мстислав сейчас грекам служит.

– Служит, – согласился Будый, – а ведаешь ли ты, что он за своё участие в войне с них золото взял? Золото, а не земли. Как думаешь, отчего?

– Видно, рать собирает, – горько усмехнувшись, сказал Ярослав, – видно, скоро земли свои расширять станет. Наверно, на Киев и засматривается.

– То-то, Ярослав, – поучительно сказал Будый, – на Киев смотрит братик твой, а за ним и все остальные сыновья Адельи и князя Владимира. Судислав Псковский и Станислав Смоленский только и жаждут расширить свои уделы. Им Русь на троих поделить хотелось бы. Вот поэтому, думаю, Мстислав с греков золото и взял.

– Что посоветуешь? – спросил Ярослав, выставляя вперёд больную ногу и принимаясь её разминать.

– А что тут советовать. Один Мстислав тебе не соперник, но пока он на братьев своих единоутробных опереться может, то он ровня тебе, а то и посильнее будет.

– И что ты предлагаешь? Вести войско на Мстислава? Святополк тут же вернётся назад в Киев. Я вот слышал, что он уже в Гнёзно у своего тестя.

Будый покачал головой, а сам подумал – от кого это ты такое-то слыхивал? Видно, какой-то змеюк всё же прополз к тебе в палаты, куда я хворал. Этак недолго ты старого пестуна и слушать не станешь. Как я тогда Русью буду править?

– Глупость это, Ярослав. О Мстиславе нам думать надо. Помер Святополк. А коли и не помер, то Болеслав Толстяк ему не помощник. Говорил же, он с кайзером ратается и Русь ему сейчас не интересна.

– Мстислав мне не враг. Я Киев у убийцы братьев забрал и сам братоубийцей быть не желаю.

– А так не бывает, – рассмеялся Будый, – отец твой, князь Владимир, прежде чем в Киеве сесть править спокойно, двух братьев похоронил – Ярополка и Олега. Нет, Олега он, конечно, не убивал, но вот Ярополка пришлось. По-иному Русь распадётся на мелкие уделы. Либо ты всю её соберёшь, либо кто другой. Когда Мстислав ещё совсем маленьким был, я слышал, что про него старые люди говорили. А говорили они, что ему судьба великого воина заповедована.

Будый почесал бороду. Конечно, сейчас, быть может, Мстислав так уж и не опасен, но лучше бы на своём настоять.

– Не мечом надо страну объединить, а законами. Вот знаешь, о чём я подумал? Надо, чтобы люди знали, что жито их сохранено и коли какой злодей надумает украсть чего у другого ночью, то каждый имеет право убить такого татя, а тать коневой должен терять свободу свою и имущество.

Обычно воеводе Будому было не по душе то, что его бывший воспитанник пытается, словно старец, писать законы, но сейчас он вздохнул с облегчением. Если у Ярослава есть время думать о такой глупости, значит, не всё потеряно.

– За кражу коня лишать свободы и всего имения? Не много ли будет? Нет, конь, конечно, животное благородное, но стоит ли всего имущества?

– Стоит, Будый, – подтвердил князь Ярослав, – кони, при виде которых глаз горит, в основном у моей дружины. Их тати и хотят похищать. Надо, чтобы законы были такими – как бы для всех, но на самом деле блюли бы лишь интерес моих ближников.

Будый почесал затылок и еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Это как это?

– Например, за удар мечом должно быть наказание больше, чем за удар рукой. А мечи у воинов.

– Так кто же такие законы блюсти будет? Нет, Ярослав, закон – это Правда. По правде, ежели тебя ударили, то и ты ударить должен. Так всегда было, и нет разницы – мечом, палкой или рукой. Кто сильнее, за тем и правда. Вот когда прах мой развеют, или, быть может, засыпят землёй, тогда и пиши свою правду. Сейчас не до неё. О Мстиславе думать нужно. Я, слава Господу, поправился и теперь могу опять тебе советы давать. Рать надо готовить. Вот к весне поведу её на Станислава и выкину его из Смоленска, а также пошлём весточку в Новгород. Пусть идут на Псков и выкинут оттуда Судислава. Скоро ты всю Русь возьмёшь в свои руки.

– Нет, Будый, – твёрдо сказал Ярослав, – я на Станислава и на Судислава сейчас нападать не стану. Святополк хотел поскорей собрать всю Русь, и теперь он в изгнании ищет милости у своего тестя. Каждое яблоко рано или поздно упадёт. Надо только ждать.

Будый аж крякнул от таких речей своего воспитанника. Видно, княгиня Анна науськала его так говорить. Вот, видно, кто корень всех бед и крамольных мыслишек в голове государя. Кроме неё никто бы не стал.

– Яблони трясти надо. Этак ты и впрямь состаришься, а плодов так и не вкусишь, – раздражённо сказал Будый, – а вот Мстислав ждать не станет, явится под Киев с многотысячным войском. К удатому князю и воины стекаются. Вот будет потеха, ежели сын Адельи сядет в

Киеве. Думаешь, дружина будет тебе служить, коли ты решишь законы писать? От старых князей воины к молодым уходят. Вот ежели ты воевать собираешься, то тогда дело другое.

Ярослав тяжело вздохнул и невольно подумал, что было бы, если бы тогда в детстве он всё же не сломал ногу. Если бы он был славным воином, какой была бы его судьба?

– Я не воин, Будый. А раз этого мне Господь не дал, значит, для чего-то.

– А я воин. Я поведу рать. Одолели же мы Святополка – одолеем и Станислава, и Мстислава, и Судислава.

– Нет, – повторил Ярослав. – Войны порождают воинов, а воины хотят воевать. Стоит взять меч – и ты его уже не положишь.

– Мудрёно, – усмехнулся Будый, – да не всё, что красиво сказывается, ладно делается.

***

Весть о том, что в Киев приехал сын князя Болеслава, не удивила Ярослава. Прежде чем встретиться с княжичем, который, по всей видимости, приехал просить за княгиню Владиславу, Ярослав решил переговорить со своим пестуном Будым.

Князь встретился с воеводой после богослужения. Сначала они потрапезничали, а затем уединились, чтобы обсудить прибытие сына Болеслава. Безприм после пира остался ждать, когда князь Киевский соизволит выслушать его.

– У Болеслава сейчас руки связаны войной с римским кайзером. Нет ему до нас ни малейшего дела, – сказал Будый, почёсывая бороду, – но он хочет вернуть свою дочь.

– Думаешь, отдать ему её? – спросил Ярослав.

– Не знаю, – замылся Будый, но понимая, что такой ответ едва ли устроит князя Ярослава, продолжил, – оно ведь как получается: ежели мы её оставим здесь на Руси, то она как бы наш заложник, а ежели вернём Болеславу, то, может, и вовсе союз заключить сможем.

Ярослав помолчал. Со стороны можно было подумать, что он размышляет, но на самом деле князь изо всех сил пытался справиться с болью. После того как он отстоял богослужение, нога сильно ныла.

– Кто этот княжич Безприм, которого прислал князь Болеслав? – спросил Ярослав у Будого. – Ты знаешь его?

– Сам не знаком, но слышал о нём. Отец его не привечает. Сказывают, что этот Безприм не очень-то умён, да к тому же пьяница. Болеслав видит своим наследником Мечеслава.

– Пьяница? – переспросил князь Ярослав. – С таким человеком стоит подружиться.

– Это для чего, – спросил Будый, посмотрев на Ярослава исподлобья, – для чего дружиться с этим пропойцей?

– Ну... Настанет время, и не только Болеслав сможет нам своими полками угрожать, но и мы его наследникам. Долги платить надо. Коли Болеслав своего сына Безприма лишит земель, то мы тоже вмешаемся. Тогда Безприм станет тем топором, что расколется княжество Болеслава.

– Странно ты мыслишь, Ярослав, – вздохнув, сказал Будый, – то хочешь дружину законами собрать, то дружбой с пропойцей княжество Болеслава расколеть. Ладно, спорить с тобой не стану.

Когда Будый ушёл, Ярослав медленно встал со своего места. Ох, и непростое наследство ему оставил отец. Может, и впрямь прав Будый – надо поскорей напасть на братьев и вытеснить их с Руси. Нет, одёрнул себя Ярослав, победа над Святополком не должна вскружить мне голову. Это только кажется, что я крепко сел на Киевский стол. Не так всё на самом деле. Дружина моя не сильно довольна, да и конунг Эймунд в любой момент может сам моё место занять, объявив себя князем. Сил у него уж точно не меньше, чем у меня. Неспособен я сейчас свою волю вершить, а посему надо обдумывать каждый шаг.

Князь Ярослав улыбнулся. Жизнь научила его в буквальном смысле обдумывать каждый шаг, наградив этой хромотой и болью.

Ярослав принял Безприма, сидя на том месте, где прежде сидел его отец, в окружении бояр. Сын Болеслава показался князю человеком глупым, а следы пьянства, которое уже сказывалось на его лице, и вовсе заставили хромого князя поморщиться. Безприм, впрочем, тоже особого дружелюбия проявлять не хотел.

– Князь, – обратился Безприм к Ярославу, даже не подумав склонить голову, – у тебя в темнице томится моя сестра и это заставляет моего отца гневаться.

– Томится в темнице? Нет, твоя сестра затворилась в келье и молится, прося Господа поскорей соединить её с супругом, который сгинул куда-то после того, как проиграл битву. Как только мой брат вернётся в Киев, её слезы высохнут. Братья ругаются – братья мирятся, но род это не рушит. Если Святополку и впрямь хочется вернуться к своей супруге, то пусть возвращается. Ему отдам Владиславу – тебе нет. Это моё право.

Безприм понимал, что так просто князь Ярослав сестру его не отпустит. Вспомнив наставления епископа Ламберта, он решил не угрожать, а предложить поговорить с глазу на глаз.

– Коли так, князь, то я хотел бы с тобой наедине потолковать, прежде чем свару затеивать. Ярослав кивнул, хотя говорить наедине с польским княжичем не собирался.

Не так-то глуп княжич, раз вместо того чтобы руку на рукоять меча положить и начать браниться, предлагает переговорить. Либо сам непрост, либо совет ему такой кто дал.

– Ну, коли хочешь поговорить, то давай потолкуем наедине. Я желаю разделить с тобой вечернюю трапезу, а после пообщаемся, если время останется.

Вечерняя трапеза сразу показала неумеренность польских гостей. Только княжич Безприм, вопреки сложившемуся о нём мнению, в еде был скромнен и напитки хмельные ко рту не подносил.

Ярослав быстро это заметил и был сильно удивлён. Веселье всячески разжигал его пестун Будый, но княжич Безприм, хоть всем приветливо улыбался, хмельного не пил.

– Ты, княжич, смотрю, ни вина заморского не пьёшь, ни мёда хмельного, – спросил князь Ярослав у Безприма, – может, обиду держишь?

– Не пью оттого, что мы пока не договорились.

Будый, пошатываясь, поднялся со своего места и поднял чарку, полную мёда. Ярослав сразу понял, что его пестун кривляется, но кроме него, этого рассмотреть никто не смог.

– Вот за тебя я, княжич Безприм, чару и поднимаю. Ты, видишь моё сердце, человек добрый. Мы с твоим другом боярином Бржетиславом уже не по одному кубку выпили. За тебя, княжич!

Будый, расплёскивая вино, выпил чарку и опустился на своё место, весело хлопнув Бржетислава по плечу.

– Не враги мы с тобой, боярин, – проговорил Будый, обращаясь к Бржетиславу, – не враги. Одного роду-племени. Позволь мне тебе подарок сделать.

Глаза Бржетислава алчно загорелись, едва он услышал про подарок. Пусть Будый и говорил на не совсем понятном для него языке, но слово «подарок» пан уразумел сразу.

– Жаль, мне тебе нечего подарить в ответ, – ответил Бржетислав, – так как роду я бедного.

– Бедного? Кто твой отец?

– Пан Вратислав из...

– Пан Вратислав, – тут же перебил его Будый, – я ведь его помню. Такой невысокий, как ты? Верно?

– Нет, он, наоборот, был роста высокого, но вся его сила моему старшему брату досталась, а не мне, – жалобным голосом проговорил

Бржетислав.

– Точно. Помню его. Достойный был человек. Давай выпьем с тобой по чарке, дабы помянуть его.

Будый выпил чарку, про себя подумав, что хорошо что-то обещать человеку во хмелю – дарить не придётся. Но не тут-то было.

– Я век буду рад подарку, которым меня облагодетельствует славный пан Будый. Мои потомки будут беречь его, и по всем землям, где я буду проезжать, везде я буду хвалить щедрость пана Будого!

Пан Бржетислав впился глазами в воеводу, который даже поёжился от такого взгляда. Ну и чего подарить этому вот человеку? Что он, не понимает, что во хмелю все на язык легки?

– Я подарю тебе вороного коня, того, что мне князь Ярослав пожаловал.

Сказав это, Будый посмотрел на Ярослава. Услышав эти слова, князь улыбнулся. Выкрутился-таки его ближник. Взял и одного из коней своих подарил, подумал Ярослав, а ведь теперь и не отопрешься.

– Послушай, князь Ярослав, – проговорил Безприм, ставя на стол чарку, к которой он так и не притронулся, – по правде сказать, мне ведь сестру отец велел привезти, а не то он войну грозитя развязать. Говорил, что ежели ты по добру не захочешь, то он тогда тебя принудит к этому. Я вот вижу, что ты человек достойный и всё, что про тебя говорят – ложь. Но он считает тебя слабым правителем. Я войны не хочу.

– А поэтому мы с тобой и беседуем. Я друг твоему отцу, а не враг, но супруги брата не отдам. Посуди сам – кем я буду, ежели жену брата в дом родителя отпущу? Отец мой, князь Владимир, взял мать Святополка в жены, хоть прежде та была замужем за его братом, моим дядей Ярополком. Я взять твою сестру в жёны не могу, но она теперь навек моя сестра и я её пальцем не трону. Братья ссорятся, братья мирятся. Это наше семейное дело.

***

С того дня, как князь Ярослав вступил в Киев, он не виделся с Владиславой. В душе князь боялся этой встречи, но сейчас он понимал, что это время пришло. Он спустился вместе с Будым в подземелье, где находилась княгиня. Нет, конечно, можно было заключить её в поруб, но так она была бы у всех на виду, а он этого не желал.

– Послушай, князь, – сказал Будый, – не стоит тебе с ней встречаться. Она ведь теперь и не человек.

– Я хочу её увидеть, – медленно произнёс Ярослав и подошёл к кованой решётке, за которой находилась женщина.

Запах нечистот ударил князю в нос и заставил поморщиться.

– Владислава, – позвал её Ярослав, но та даже не повернулась.

Женщина лежала на полу, прижимая ноги к груди, и негромко рычала.

– Что с ней?

– После того как она потеряла ребёнка, её рассудок совсем помутился. Не уследил я, князь. Моя вина, – сказал Будый безразличным голосом, а после, немного помолчав, с усмешкой добавил, – а у неё всегда так – разрешается от бремени в темнице. Может, потому она разума и лишилась.

Владислава повернулась на бок, а затем поднялась на колени. Ярослав встретился взглядом с Владиславой и невольно вздрогнул. Княгиня, вернее, существо, которое теперь жило в её теле, рыча, стало ползти к прутьям решётки.

– Сегодня же увези её прочь! И смотри, Будый, чтобы её братец об этом не проведал. Это уже не княгиня Владислава. Она, верно, умерла. Это животное.

– Сдохни, – прошипела Владислава, пытаясь подняться на ноги, но тут же падая обратно на земляной пол, – проклиная тебя! Чтобы твои потомки вечно ненавидели друг друга, чтобы ты не знал покоя, проклятый хромец! Ррр...

Владислава бросилась прямо на решётку, заставив Ярослава отпрянуть.

– Княже, будет милостивее лишить её жизни. Она почти потеряла дар речи. Только шепчет проклятия и рычит, словно дикий зверь, – сказал Будый, – жалко, конечно, но так будет милосерднее.

Ярослав, ничего не ответив, пошёл наверх. Если это существо отдать её отцу, то, пожалуй, это будет означать только одно – войну.

Выйдя из темницы, Ярослав тут же опёрся о стену, давая передышку больной ноге. Внутри у него всё кипело, но он понимал, что гневными речами сейчас ничего не изменишь.

– За каждую вину должно быть своё наказание, – прошептал Ярослав.

– Чего ты говоришь, князь? – спросил боярин Будый. – Что-то я не расслышал. Старею.

– За каждую вину должно быть своё наказание. Вина Владиславы лишь в том, что она жена моего брата. Зачем было бросать её за это в темницу?

Будый ожидал, что князь будет браниться, поэтому не придумал, что отвечать на подобные вопросы. Он насупился и опустил глаза вниз.

– Так давай я ей голову отрублю да схороним по-тихому. Рассудок, если покинул голову, обратно не воротится.

– Вот голову если срубить, то точно обратно не отрастишь. Пусть её отвезут в новгородские земли и там держат под охраной, но не в темнице. Пусть рядом с ней будет несколько женщин. Надеюсь, со временем её разум вернётся.

– Такого я ещё не слыхивал, – огрызнулся Будый, – раз лишилась разума, то всё. Коли человек стал зверем, то обратного пути нет. Ты не обессудь, княже, но мне за тебя впору беспокоиться. Ты вот опять стал говорить как старец. Что значит, что за каждую вину должно быть своё наказание? Всё ты о законах думаешь, а по мне, так должно быть: виновен – смерть. В таком деле, насколько виновен, не имеет значения. Ты смотри: забиваешь таким голову – потеряешь её. Знаешь, отчего люди разум теряют? Мне это волхв один говорил. Оттого, что часто думают о запретном. Правду писать – дело богов, которые говорят через волхвов. Ну, в новой вере пусть чернецы пишут.

– Смотри, Будый, чтобы епископ Анастас не проведал, что с Владиславой приключилось. Не верю я этому греку.

– Вот это правильно. Анастас о себе думает, а должен думать о законах. Вот ему их и поручи. Пусть думает, за что как наказывать, и в грамоты соответствующие это записывает.

– Никогда.

Глава 5

Вернувшись с пира в отведённые ему покои, княжич Безприм повалился на постель. Ему не хотелось признаваться самому себе, что он не может думать ни о чём, кроме как о хмеле.

Безприм осенил себя крестным знаменем и прошептал молитву в надежде отогнать греховные мысли. Хоть он и не пил, но во рту прямо-таки стоял привкус хмельного мёда.

Нет. Нет, нет, сказал сам себе княжич Безприм. Я не хочу сегодня упиваться. Отец поверил в меня, епископ Ламберт верит. И я не подведу их. Надо думать, как вызволить сестру.

В покои княжича вошёл пан Бржетислав, который, хоть и пил на пиру без меры, разум каким-то чудом сохранил.

– Чего ты, Безприм, с самого нашего выезда из Гнёзно ни мёдом себя не потешишь, ни вином заморским? Не захворал?

– Не время пить, – ответил Безприм, – мы здесь, словно в логове волков, и разум – единственное наше оружие.

– А по мне, так русичи – люди душевные, – сказал Бржетислав, – ты зря страшишься, княжич. Нам вон князь Ярослав прислал кувшин чудесного ромейского вина. Давай наполни кубки.

– Я не хочу сейчас, – злобно огрызнулся княжич Безприм.

Княжич боялся, что сейчас он не выдержит и поднесёт кубок к губам. Усилием воли он поборол себя.

Бржетислав не на шутку испугался. Больше всего на свете он боялся, что княжич перестанет пьянствовать. Ведь тогда он непременно раздружится с ним. За что разумному человеку привечать младшего сына одного из мечников своего деда?

– Бржетислав, – примирительным голосом произнёс княжич Безприм, – думаешь, княгиня Владислава в темнице?

Об этом Бржетислав думал меньше всего. Его куда более заботило то, что князь Ярослав помимо кувшина с вином прислал ещё и красивый кубок. Бржетислав хотел присвоить его себе, а для этого княжич Безприм должен был упиться до беспамятства.

– Думаю, что стоит обсудить это, наполнив кубки.

– Ну ежели тебе так будет проще, то наполни свой кубок, – раздражённо ответил княжич.

Бржетислав наполнил кубки княжичу и себе, однако, к великому удивлению пана, княжич Безприм и в этот раз устоял и не стал пить.

– Не верю я, что если бы она была свободна, то не встретилась бы со мной. Может, мы с ней и не друзья, но всё же родная кровь.

– Да чего ты о ней печалишься? Я тебя, княжич, прям не узнаю. Ты отчего так изменился? Жизнь даётся один раз, и её надо прожить так, чтобы потом было стыдно вспомнить, – постарался подшутить Бржетислав, – иначе она прожита зря.

Однако княжич Безприм к шутке отнёсся холодно и вместо того, чтобы рассмеяться, отвернулся от своего друга.

Безприм злился, и сейчас ему общество Бржетислава было неприятно. В голове кружились мысли о том, как он вернёт себе доброе имя в глазах отца. Почему-то Безприм вспоминал, как много лет назад князь Болеслав учил его биться мечом. Он никому больше не доверял обучение старшего сына воинским умениям. Безприм с грустью вспомнил, как сильно расстроился отец, когда понял, что к ратным умениям у княжича способностей нет.

– Я докажу, что не только мечом можно снискать славу, – прошептал Безприм, а затем, повернувшись к Бржетиславу, проговорил, – ты иди-ка спать. Сейчас не время хмельным забавам предаваться.

Бржетислав от таких слов аж рот разинул. Кубок, который он намеревался похитить и продать на торгу, был явно не дешёвым. Ромейская работа.

– Может, по чарке, чтобы лучше спалось? – пропищал Бржетислав в последней надежде.

– Не сегодня.

Оставшись один, княжич мысленно вознёс Господу молитвы за то, что тот даровал ему волю побороть соблазн. Правда, Безприм тут же подумал с сожалением, что его друг, верно, страдает от пьянства. Может, Господь откроет и ему глаза.

Наедине с самим собой было ещё страшнее, чем рядом с человеком, пьющим хмельное. В голове безостановочно крутилась мысль, что чарка ромейского вина не повредит. Безприм дважды подходил к заботливо оставленному кувшину и дважды отходил от него. Он знал, что если притронется к кувшину, то упьётся.

Не зная, как победить самого себя, он стал молиться. По мере того, как он говорил хорошо заученные слова на латыни, часть из которых он толком не понимал, желание выпить исчезало.

***

На дворе было ещё темно, когда Будый проснулся. В последнее время он спал всё меньше и просыпался всё раньше. Натянув рубаху, боярин сел трапезничать.

Хоть хмельное, выпитое на пиру, и улетучилось, но голова была не совсем свежей, и это злило боярина.

– Чего ты так медленно всё делаешь! – прикрикнул боярин на челядинку. Та как раз принесла ему блюдо с варёными яйцами.

– Вот, боярин. Курочки стали нестись.

Будый взял одно из яиц в руки и, повертев его некоторое время в руках, положил на место.

– Унеси их прочь. Я после пиров яйца есть не желаю. Слышал я, что один молодец так вот после пира яичко в рот запихнул и задохнулся. Может, проглотил?

Челядинка молча унесла яйца, понимая, что спорить с боярином не стоит, тем более когда у того настроение вовсе не весёлое.

Велико было удивление воеводы, когда он узнал, что к нему пожаловал княжич Безприм и желает с ним поговорить. Отказаться встретиться с проклятым княжичем, который, судя по лицу, был горьким пьяницей, а на деле и не пил вовсе, он не мог.

– А я как раз о тебе и вспоминал, мой дорогой друг, – приветливо сказал Будый, – проходи в мой дом. Я всегда буду тебе рад.

Хуже встречи с княжичем была только встреча с паном Бржетиславом, который так пока и не получил своего коня. Будый обнял Безприма, а затем Бржетислава, а после этого все вместе сели за трапезный стол.

– Будый, – обратился к ближнику Ярослава княжич Безприм, – я знаю, что ты самый близкий к князю человек, а кто-то вообще поговаривает, что ты – голова князя, которая принимает решения. Я хочу попросить тебя не как княжич, а как брат, который просит увидеться с сестрой. Ведь нет ничего плохого, если я увижу Владиславу. Зато моё сердце будет спокойно.

Будый насупил. Вот ведь принесла нелёгкая в его дом княжича. Что ему сказать?

– Знаешь, княжич, – неторопливо начал Будый, – коли хочешь увидеть Владиславу, то проси об этом князя. Я ведь просто его ближник, старый пестун. На самом деле я давно уже никаких советов Ярославу не даю. Владислава, думаю, будет рада тебя увидеть, ты ведь брат её. Только вот вернётся она, думаю, к концу лета, так как за несколько дней до твоего приезда Ярослав отправил её в Новгород. Война – не самое лучшее место для женщины, а здесь, нутром чую, ещё будет литься кровь.

Безприм понял, что здесь что-то не так. Отчего это от него прячут Владиславу? Почему пестун князя не хочет их встречи и прикрывается, что княгиню отослали?

Будый понял, что княжич засомневался, и сделал таинственный вид, а после полушёпотом проговорил:

– Не обессудь, княжич, но дело в том, что княгиня родила до срока, а дитя-то совсем здоровое. Ей бы ещё с животом до середины лета ходить. Получается, не от Святополка сестра твоя понесла. Это и пытаемся укрыть. Тебе сказал, так как ты с ней одной крови. Позор этот прикрыть нужно – вот и прикрываем.

– Не может такого быть!

Будый опустил глаза и сделал каменное выражение лица.

– Женщина может понести не только, если желала этого. Слышал ли ты, что князь Владимир, отец князя Ярослава, человек был очень... гм, гм..., в общем, не всё так просто. Ежели Владислава родила от Владимира, то как ни крути, а ребёнок этот – брат Ярославу и Святополку. Тебе сказал, так как верю и надеюсь, что ты тайну схоронишь.

Княжич Безприм был сбит с толку. Будый это сразу понял и мысленно похвалил себя. Вот теперь ломай голову, княжич, как тебе быть. Настаивать ли на том, чтобы князь Ярослав тебе с Владиславой встречу устроил, или всё же остаться в стороне.

– Коли так, то получается, что мой племянник – брат Ярослава? – спросил Безприм.

– Во-во. А время сейчас такое, что сыновья Владимира Святославовича не сильно между собой дружны. Может, лучше твоему племяннику всё же остаться сыном князя Святополка? Не гневись. Правда – она ведь не всегда приятна. Вот к концу лета, коли желание будешь иметь, можешь и с Владиславой встретиться.

Будый понимал, что так долго гостить здесь княжич Безприм не сможет. Во я как сочинил! Ежели мои слова на веру взять, то мы, можно сказать, доброе имя и Святополку, и Владиславе спасаем, подумал Будый.

– А как сына нарекли?

– Владимиром, – не задумываясь, ответил Воевода, – в память о деде... или отце.

***

Поскольку княжич Безприм тешить свою душу и плоть хмельными напитками по-прежнему не желал, пан Бржетислав отправился погулять по городу в одиночку. Первым делом он пошёл на торг, чтобы купить бочоночек славного ромейского вина. Бржетислав не собирался сдаваться и всё же надеялся, что княжич Безприм перестанет изображать из себя достойного человека и вновь предастся греху пьянства, а он, пользуясь этим, продолжит своё обогащение.

Вино на торгу продавал ромей. Пальцы, украшенные золотыми и серебряными кольцами, свидетельствовали о том, что торгаш далеко не беден. Рядом с лавкой Бржетислав заметил человека, одетого в лохмотья. Несмотря на то, что на улице уже давно наступила весна, на голове у этого бедолаги была меховая шапка, криво одетая и явно побывавшая в луже. От человека, на котором она была надета, шёл неприятный запах свиных испражнений.

– Что ты глаза отводишь, Иосиф? Разве не помнишь меня? Дай мне хоть чарку вина. Неужто не веришь, что я тебе плату не принесу?

Торговец вином посмотрел на пьянчугу с презрением, а затем растёкся в доброжелательной улыбке перед паном Бржетиславом.

– Чего угодно, господин? Вина из Византии и Рима! Старые и молодые!

Бедолага подошёл к Бржетиславу и схватил его за рукав. Тот с отвращением отшатнулся от него.

– Опохмели меня, – хрипло произнёс пьянчуга, – хочешь, я для тебя за кружку хмельного кого жизни лишу?

– Уймись, Ульян, – вмешался торговец, – не смотрите на него, господин. Часто неумеренность превращает людей в скотов. Вот этот человек когда-то и впрямь был богат. Но никаких своих богатств он не может удержать.

– Ну что, – прохрипел Ульян, – опохмелишь? Разве ты не видишь, что я страдаю? Вот, хочешь, шапку возьми – лисья!

Бржетислав брезгливо посмотрел на протянутую ему шапку и с удивлением подумал: этот бедолага что, и впрямь думает, что я лису от козы не отличу?

– Так не лисья.

Ульян покрутил шапку в руках и надел обратно на голову.

– И что? Не видишь, как меня лихоманка трясёт? Коли не испью – сдохну. А я подыхать не хочу.

Бржетислав с испугом заметил, что пьянчуга сжимает кулаки. Такой может и побить. Ладно, подумал поляк, налью этому животному кружку. Я от этого не сильно обеднею. Заодно и пораспрошу его обо всём.

– Господин, – обратился пан Бржетислав к торговцу вином, – налей этому несчастному человеку кружку какого-нибудь не крепко дорогого пойла, а мне, пожалуй, дай испробовать вина, что ты с Рима привёз.

– Не бери то, что с Рима, – нагло влез в разговор Ульян, беря из рук торговца чару и разом опустошая её, – кислятина и потом от него голова кружится. Давай вон ещё одну. Видишь, господин платит.

Торговец вопросительно посмотрел на Бржетислава, а когда тот кивнул, налил Ульяну ещё одну кружку. Эту кружку тот пить залпом не стал, а принялся смаковать.

– Возьми лучше византийского вина, – со знанием дела произнёс Ульян, – я всегда его пью.

– Ты? – недоверчиво спросил пан Бржетислав. – Да ты хоть ведаешь, сколько такое вино стоит?

– Не, – беззаботно ответил Ульян, – я, когда у меня серебро в карманах есть, вообще ничего не ведаю. А ты, смотрю, не местный. Может, работка какая для меня имеется? Там, кого придушить или чего ещё?

Бржетислав расхохотался. Что о себе возмнил этот пьяный скот? Думает, что он может быть мне полезен! Да я, можно сказать, государственный муж, какой мне от него толк.

– Ты же можешь только дрова наколоть да поросю зарезать. Такими делами челядь занимается.

– Да не только, – ухмыльнулся Ульян и протянул кружку торговцу, – наливай, пёс блудливый, да не этой кислятины, а того, что я люблю.

Ромей взял чару с лёгкой улыбкой и посмотрел на смеющегося Бржетислава, не спеша наполнять чару вином.

– Чего оглох, – грозно спросил Ульян у торговца, поправляя шапку, а затем, повернувшись к Бржетиславу, совсем другим тоном проговорил, – да я все тайны Киева, да что Киева, все тайны Руси прознать могу. Меня даже сам князь Ярослав иногда зовёт, когда ему помощь в таких делах нужна.

– А узнать, что с человеком, можешь? У моего друга сестра потерялась. Много лет он её не видел. Сможешь узнать, где она и что с ней? – спросил Бржетислав, подумав, что если он примет участие в делах княжича, то хуже не будет, а коли и вовсе всё будет ладно, то не грех за такое и награду просить.

– Ага, – кивнул Ульян и с презрением посмотрел на ромея, – ты чего, гнусная рожа, мою чару не наполнил? Давай поторапливайся – видишь, вон господин тебе всё оплатит.

Глава 6

Княжич Безприм был несказанно удивлён, когда к нему подошёл пан Бржетислав и вместо того, чтобы вновь пытаться убедить в необходимости потешить душу хмельным медком, произнёс с полной серьёзностью:

– Знаю я, как про княгиню Владиславу всё разведать. Здесь надо, княжич, не просто вопросы задавать, а головой думать. Прав ты был, когда говорил, что ум – наше лучшее оружие в логове волков. А с волками жить – по-волчьи выть.

– О чём это ты? – поинтересовался княжич Безприм.

– Я купил чудесного ромейского вина, – начал свой рассказ пан Бржетислав, но княжич перебил его.

– Ясно. Мне горько, что бес пьянства терзает тебя.

Тебя, можно подумать, не терзает, злобно помыслил Бржетислав. Многие по неделям не пили, а потом начинали заново, да так, что хуже прежнего.

– Да не о вине речь, княжич. Встретил я там человека одного лихого. Он за серебро и за выпивку душу бессмертную продал бы. Пусть поразузнает, где твоя сестра, и какие-нибудь доказательства принесёт, что видел её.

– А где человек этот? – спросил княжич. – Коли он и вправду услугу мне окажет, то я буду в долгу перед тобой.

Конечно, будешь в долгу, подумал Бржетислав, я ведь не просто так в Киев поплёлся. Знал бы, что ты на путь праведный вступишь – со своего двора шагу бы не сделал. За всё плата должна быть.

Когда в комнату вошёл Ульян, княжич Безприм поморщился. От этого человека шёл сильный запах вина и свиных нечистот.

– Это и есть твой человек?

– Я, княжич, – проговорил Ульян, выдыхая изо рта винный дух, – а сестричка, небось, княгиня Владислава? Смогу про неё узнать, но это будет стоит немало.

– Я заплачу тебе сколько скажешь, только от жадности не озверей, – ответил Безприм.

– На такое дельце мне часть серебра наперёд нужна, чтобы на дело его использовать.

– А не пропьёшь?

– Я, когда дела делаю, с выпивкой не вяжусь. Как и ты, княжич.

– Когда сможешь мне сказать, что приключилось с моей сестрой?

– Только завтра. Сегодня я послушаю, что где говорят, а завтра чего и проверю. Много говорят, да не всё на веру брать стоит.

Безприм кивнул, подивившись рассудительности этого пьянчуги. Видно, в прошлом этот человек на вес золота ценился, подумал княжич. Такие, как он, ничего не боятся, если, конечно, я в нём не обманываюсь.

– Как докажешь, что твои слова не ложь? – ехидно спросил пан Бржетислав. – Всему нужны доказательства.

– Головой. Если я совру, то разве не найдёшь ты меня и не предашь лютой смерти?

Безприм кивнул и, подойдя к сундуку, достал оттуда несколько серебряных монет и положил их на стол.

– Этого мало, – тут же брякнул Ульян, – я за такое количество серебра даже про соседку ничего говорить не стану. Давай в пять раз больше, а когда узнаю, то ещё столько же, нет, вдвое больше, или я пошёл.

С этими словами Ульян направился к двери.

– Да стой ты. Хорошо, вот серебро. Завтра жду вестей.

– Будут вести. Серебро приберегай, княжич, – сказал Ульян и, небрежно засунув всё серебро в карман, вышел прочь.

Безприм почувствовал себя обманутым, а пан Бржетислав невольно подумал: как же этот пьянчуга смог провести его? Теперь ведь неделю будет пьянствовать и не сыщешь его.

– И чего это бес меня дёрнул сего к тебе тащить, – растерянно сказал пан Бржетислав, – ведь проходимец же, а ты ему сразу серебро...

– Так он же просил, – ответил княжич Безприм, – может, вернётся и впрямь всё расскажет.

– Надо было, чтобы сначала рассказал, а уж потом серебро давать, – назидательно сказал пан Бржетислав, – ну да ладно, серебро уже не воротишь. Будешь, княжич, вина византийского? Десять лет вино это томилось – ждало, когда мы его выпьем.

– Не, друг мой. Не искушай меня. Не хочу я иметь голову, хмелем затуманенную.

– Да от одной кружки не затуманишь сильно, – проворчал Бржетислав, – ну раз ты не будешь, то я тогда тоже воздержусь. На такого вот посмотришь – всё желание пить пропадёт.

– Это точно. Может быть, поэтому ты с ним и встретился. Тебе его Бог послал в назидание.

***

На следующий день, когда солнце уже скрылось, в терем, где разместился княжич Безприм, пожаловал Ульян. К великому удивлению княжича, вчерашний пьянчуга был сносно одет и трезв. Правда, лицо и лёгкая дрожь в руках по-прежнему свидетельствовали о пристрастии этого человека к пьянству.

Представ перед княжичем, Ульян поклонился ему, а после вопросительно посмотрел на пана Бржетислава.

– Останемся наедине.

– У меня нет секретов от этого человека, – ответил Безприм.

– Раз нет секретов, то после сам всё ему поведаешь. А разговор такой с глазу на глаз вести нужно.

Безприм кивнул, и пан Бржетислав, изобразив глубокую обиду, вышел прочь. Ульян дождался, пока тот закроет дверь, и подошёл к Безприму. Из-за пазухи он достал пальцы, ленту и клочок волос.

Безприм хмуро посмотрел на Ульяна.

– Жива твоя сестрица, да только не всё с ней ладно. В Новгород её увезли, потому что она совсем лишилась рассудка, – с умным видом поведал Ульян то, о чём весь Киев шептался уже не первый день, – совсем сгубил её Будый. Он ближник князя, тот ему доверяет как себе. Вот доказательства, – Ульян протянул княжичу свои находки.

– Что это? – спросил Безприм, беря в руки ленту.

– Как что! Это лента твоей сестры. Она в безумии своём этой вот лентой своё дитя жизни лишила, чтобы оно не мучилось. Боярин Будый их не поил и не кормил. А этот клочок волос она из себя вырвала. Я его в темнице нашёл. Видишь, некоторые волос седые? Вот до чего довёл её окаянный душегуб! А эти пальцы тоже её. Ещё скажу тебе, княжич кое-чего, – произнёс Ульян полушёпотом, – ты бы ноги уносил из Киева вместе с дружкой твоим. Многим уже не по нраву, что ты неприятные вопросы задаёшь. В Киеве, в случае чего, готовы к войне. А ну как Будый и тебе решит кишки выпустить, и дружку твоему? Так что уноси ноги. Вот поэтому я тебе наедине всё и говорю.

Княжич боялся, что этот проходимец обманывает его. Доказательствам, которые принёс с собой Ульян, верилось с трудом.

– Чем ещё подтвердишь свои слова?

– Думаю, завтра твой дружок, пан Бржетислав, проснётся с распоротым брюхом. Будут тебе доказательства. Что греха таить, может, я и распорю ему брюшко. Сам пойми – служба

у меня такая. От этого я и пью много, чтобы забыть. А знаешь, почему я тебе пяльцы эти показываю? А ведь я их в своё время и дал Владиславе, когда она ещё в темнице томилась. Из христианского человеколюбия, чтобы она хоть чем-нибудь себя занять могла. Непростой я человек – и князю служу. Тюремщиком. Оттого и хмельного пью много – душа страдает. Смотри, там её меточка есть.

Безприм покрутил пяльцы и увидел вырезанные буквы.

– И впрямь принадлежало Владиславе, – сказал княжич.

– Ладно, это можешь всё себе оставить. Только вышло так, что мы с тобой неверно условились о серебре. Надо больше мне дать – переработал.

Безприм отсчитал Ульяну серебро, а тот вместо того, чтобы поблагодарить, лихо похлопал княжича по плечу.

– Кто знает, может, в другой раз и за тебя мне так серебра отсчитают. А я человек, подверженный порокам, думаю, ты меня понимаешь. За серебро прирежу не задумываясь. В общем, ты бы, княжич, уносил ноги. Не найдёшь ты Владиславы и не увидишь, а увидев, пожалеешь, что нашёл её. Пусть она остаётся в твоих мыслях той, кем она была прежде.

Безприм с опаской смотрел вслед Ульяну, который медленно пошёл прочь. Отчего-то ему показалось, что этот человек и впрямь очень страшен. Этот русич – настоящий зверь, решил Безприм. Сколько злодейств он совершил, небось, никто и сказать не возьмётся.

Княжич опасливо покосился на кубок, подаренный Ярославом, и даже подумал, что хорошо было бы сделать глоток хмельного мёду. Даже от мысли об этом руки у Безприма затряслись, но он сдержался.

– Вот вернусь домой, – сказал княжич сам себе, – тогда и испью хмельного. Надо скорей возвращаться, пока и впрямь такой вот душегуб не вскрыл брюхо.

Ульян, выйдя из терема, где остановился княжич Безприм, тут же направился к торговцу вином. Настроение у него было хорошее. Давно он задарма не получал столько серебра. Уже темнело, но он знал, что ромей Иосиф будет продавать своё пойло до самых звёзд.

– Иосифка! Наполни-ка мне чару вином, – закричал Ульян, увидев торговца, – а вы, люди добрые, идите сюда и угощайтесь. Я сегодня гуляю.

Большинство киевлян, уже покидавшие торг, неодобрительно поглядели на Ульяна, а какой-то старик и вовсе обозвал его срамником. Но были и те, кто с радостью поспешил на его зов.

– Давай, Иосифка, наполняй чары моим гостям, да щедро. Один раз живу – может, в последний раз гуляю, – сказал Ульян, бросая ромею в лицо несколько серебряных монет.

Станный человек, подумал торговец, ещё вчера за один такой серебряный готов был человека убить, да что там за серебряный – за кружку, до краёв наполненную, а теперь гуляет, словно боярин.

Ульян довольно быстро упился, и ему очень хотелось похвастаться. Он стал во всеуслышание рассказывать, как одурачил княжича Безприма.

– Так вот, я ему и говорю, – давась смехом и дорогим вином, проговорил Ульян, – мол, это пяльцы твоей сестры, а сам смотрю на него и вижу – не верит, морда польская. Ну я его и стал пугать! Мол, и тебя порешат, и дружка твоего. Вижу, а руки у княжича трясутся. Не то от пьянства, не то от страха!

Ульян опрокинул кубок вина и запел похабную песню, обняв неизвестно откуда взявшуюся женщину, довольно безобразную и сильно пристрастившуюся к вину.

– Вот так-то, красавица, один раз живём.

– А пойдём-ка, добрый молодец, я тебе кое-чего покажу, – услышал Ульян вкрадчивый мужской голос, который показался ему знакомым.

– Да не на что там смотреть. Пей вон вино заморское, я угощаю, – беспечно отозвался он.

– Неужто ты боишься?

– Я ничего не боюсь, – сказал Ульян, поворачиваясь на голос.

Человек был ему хорошо знаком, но он никак не мог вспомнить, кто же это такой и где он его видел.

– Ну пойдём, – произнёс Ульян, опустошая очередной кубок.

Едва он отошёл подальше от гуляк, как вдруг повалился на землю, пронзённый кинжалом.

– Ты что! Я ведь, – опускаясь на колени, захрипел Ульян, – я ведь...

– Чего ты мешкаешь, давай вытрясай его карманы. Там небось полным-полно серебра, – услышал он тот самый знакомый голос, – нечасто таких вот дурней встретишь.

***

Ранним утром князь Ярослав был разбужен своим пестуном. Будый криво смотрел на своего воспитанника. Князь сразу понял, что что-то стряслось.

– Ярослав, – неспешно начал Будый, присаживаясь на скамью, – дело, в общем, такое. На торгу убили человека.

Ярослав протёр глаза и сел рядом с пестуном. Князю очень хотелось сомкнуть очи и провалиться в сон. Зевнув, Ярослав кивнул и вопросительно посмотрел на Будого.

– Да не просто купца или горожанина. Этого человека видели с ближником княжича Безприма. Торговец вином говорит, что тот незадолго до этого покупал выпивку и угощал ей всех желающих.

– Не разумею, к чему ты клонишь. Из-за чего вообще убили на торгу человека? Ты дознался? Что люди говорят?

– Убили из-за серебра, это ясно, – сказал Будый, – о другом, Ярослав, помысли: откуда тот серебро взял? Думаю, дал его этому человеку не кто иной, как польский княжич, и дал его не просто от доброты душевной, а за услугу какую. Я про этого убитого слышал. Мерзейший и поганейший человечек был, но в делах, не требующих особой огласки, весьма смышлённый. Словно бесьяра ему советы давал.

– Как звали-то этого человека?

– Ульяном. Не слышал о таком? – подозрительно насупившись, спросил Будый.

На лице Ярослава не дрогнул ни один мускул, хотя имя Ульян ему было знакомо. Князь тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Надо установить, чтобы вервь, округа, где произошло убийство во хмелю и где скрылись душегубы, платила виру в государственную казну, – задумчиво проговорил Ярослав, – вот как утихнут все мои споры с братьями, так напишу единые законы для всей Руси.

Будый отвернулся и плюнул. Что, его воспитанник и впрямь не только хром, но и умом слаб? Не об этом он говорить пришёл! Не о каком-то пьянице, пропади он пропадом, а о княжиче Безприме.

– И для чего это? – всё же поинтересовался воевода. – Чтобы тебя ещё больше людей ненавидело?

– Нет. Кабы был такой закон, то каждый житель в каждой верви пытался бы разнять дерущихся и следил бы, чтобы люди во хмелю друг друга не убивали. Ведь в случае чьей-либо смерти виру платить должна вся округа. На крайний случай убийцу ловили бы, дабы тот хоть часть виры оплатил. Народ страдает оттого, что не знает, как жить. Нет единых правил. Всё нужно обдумывать.

– Да не торопил бы ты годы, Ярослав, – проворчал Будый, – успеешь – состаришься. В общем, мыслю я, что Безприм этому проходимцу плату дал за какие-то сведения. А ну как про сестру свою пронюхает?

– Чтобы о Владиславе правду узнать, особо сильно голову напрягать нужды нет. На торгу каждый болтает о том, что мы её разума лишили.

– Это понятно, – отмахнулся Будый, – но кто же простой люд слушает. Чую, княжич хочет собрать доказательства, дабы преподнести их своему батюшке. Быть войне, вот чего я боюсь!

– У мёртвого не спросишь.

– Вот что, князь, – сказал Будый, – возьму я, пожалуй, десятка два воинов да споймаю этого княжича. Бросим его в темницу, пусть там сидит. В случае чего нам будет кого выменять у Болеслава. Безприм этот – его старший сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.